Пермь 19

С. К. Кузнецовъ.

КУЛЬТЪ УМЕРШИХЪ

и ЗАГРОБНЫЯ ВѢРОВАНІЯ

ЛУГОВЫХЪ ЧЕРЕМИСЪ.

Выпускъ первый.

Оттискъ изъ журнала „Этнографическое Обозрѣніе“ кн. 60 и 61.

1274

ПРОВЕРЕНО

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1905.

ПРОВ. 1957

ЭК
34

Дозволено цензурою. Москва, 27 апрѣля 1905 г.

Библиотека Института
Академии Наук
СССР
7023

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1483
58

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Болѣзнь и смерть черемисина 1

II. Похороны черемисина 12

III. Поминки въ 7-й и 40-й день 24

IV. Общія родовыя поминки 43

V. Загробныя вѣрованія черемисъ 63

Культъ умершихъ и загробныя вѣрованія луговыхъ черемисъ.

Глава I.

Болѣзнь и смерть черемисина.

Болѣзнь черемисина и мѣры противъ нея. Ворожба. „Посулы“, или залоги, ихъ составъ и значеніе. Роль мужедовъ среди черемисъ. Кереметь и его семья—враги людского благополучія. Болѣзни черемисъ вообще. Вечернее жертвоприношеніе Кереметю, по назначенію мужеда. Почитаніе св. Николая. „Шептуны“, или заклинатели. Приглашеніе священника. Взглядъ нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства на изученіе инородческихъ языковъ. Исповѣдь умирающаго. Устное его завѣщаніе и значеніе послѣдняго для наслѣдниковъ. Трупъ умершаго—нѣчто поганое, внушающее страхъ.

Когда черемисинъ заболѣетъ, онъ, какъ и русскій крестьянинъ, перемогается, елико возможно, утѣшая себя тѣмъ, что все скоро пройдетъ. Болѣзнь однако не унимается и скоро сваливаетъ съ ногъ черемисина. И самъ больной, и родные его живо рѣшаютъ, что надо принимать серьезныя мѣры. Не подумайте, что онъ обратится къ врачу, посаженному земствомъ въ извѣстномъ пунктѣ: нѣтъ. Всякое физическое разстройство черемисинъ приписываетъ дѣйствію злобнаго духа Кереметя и его семьи, рѣже—наговору колдуна (мужѣд, лóктызё), потому что Кереметь и колдунъ на томъ только и стоятъ, чтобы вредить людямъ. Подобное убѣжденіе у черемисъ всеобще, ибо мужанъ есть вѣрный слуга враждебной черемисину свиты злобныхъ духовъ (*мужѣ*=каратель, мститель). Всякій мужедъ находится въ сношеніяхъ съ невидимыми духами и получаетъ отъ нихъ нужныя указанія. Онъ знаетъ, гдѣ найти украденную вещь и какъ ее вернуть, какой злой духъ послалъ болѣзнь и какъ ее отвратить. Но есть мужедъ высшей пробы—*у́жшӧ-ко́лшӧ*=„все

видящій и слышащій". Этотъ все видитъ насквозь, все слышитъ: онъ слышитъ полетъ духа, онъ видитъ, на кого посылаетъ Кереметь болѣзнь. Онъ не только знаетъ, что воръ воруетъ тамъ-то: онъ даже видитъ, куда несутъ краденое и гдѣ его прячутъ; онъ издали слышитъ, какъ ссорятся изъ-за дѣлежа добычи. Знаясь съ темными силами, у́жшӧ ко́лшӧ настолько могучъ, что подчиняетъ злыхъ духовъ своей волѣ (колыштыктà) и можетъ продѣлывать удивительныя, уму непостижимыя вещи.

И вотъ кто-нибудь изъ семейныхъ идетъ къ ворожецу (*мужѐд, мужа̀нъ* или *мужéдышӧ*), какихъ найдется вездѣ, по крайней мѣрѣ одинъ на двѣ—на три деревни, а если не въ деревнѣ, то гдѣ-нибудь на пчельникѣ. Между просителемъ и ворожецомъ завязывается такой, примѣрно, разговоръ.

„Мужѐд, о̀ньжо!.. Йыва̀н огѐш керт... (Мужедъ, посмотри-ка (поворожи-ка)!.. Иванъ что-то нездоровъ...")

Мужедъ на это отвѣчаетъ нѣсколько уклончиво:

„Кугу́-йы̀нглан ышты̀н о̀ньжӧ... (Чумбулату, смотри, поставь (жертву)".

— Мо́дэнѐ (Чѣмъ)?

Ворожецъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, принимаясь за ворожбу. Смотря по тому, какой способъ удобнѣе, мужéдышъ ворожитъ или на бобахъ, или на поясѣ, или на хлѣбныхъ шарикахъ, и потомъ говоритъ просителю:

„По́лтым ши́ндӧ!.. (Солоду поставь)".

Но солодъ этотъ не есть еще настоящая жертва, а только „посулъ" (*йы̀штымдӧ*, или *сук*), закладъ въ знакъ того, что жертва будетъ принесена.

Посулы эти бываютъ у черемисъ по разнымъ случаямъ: то вызываетъ ихъ какая-либо нужда, несчастіе, то черемисинъ хочетъ задобрить злобнаго духа впередъ, имѣя въ виду какое ни на есть предпріятіе. Неисполненіе такого рода обѣщаній влечетъ за собою, по мнѣнію черемисъ, неизбѣжную кару разгнѣваннаго божества. Но полная лишеній жизнь черемисина безлѣсной стороны и желаніе расположить къ себѣ бога-карателя вызываетъ все новыя и новыя обѣщанія. Нерѣдкость поэтому услыхать, что какой-нибудь бѣднякъ сдѣлалъ выше десятка „посуловъ", пообѣщавшись то тому, то другому богу принести крупную или мелкую жертву. Многіе раззоряются, благодаря этимъ посуламъ;

еще большее число черемисъ умираетъ, не исполнивъ даннаго богамъ обѣщанія, и на смертномъ одрѣ завѣщаетъ наслѣдникамъ выполнить „посулъ“.

Посулы бываютъ крайне разнообразны: солодъ, крупа, мука, воскъ, недоуздокъ отъ лошади, лямка для теленка (если эти животныя обѣщаются въ жертву), деньги, словомъ—что̀ угодно, даже болѣе цѣнныя вещи изъ одежды, посуда и музыкальные инструменты. Все это служитъ символомъ будущей жертвы и считается неприкосновенной святыней, временною собственностью того бога, которому обѣщана жертва. Предметы изъ одежды и утварь уже нельзя употреблять до тѣхъ поръ, пока не принесена жертва. Всѣ свои „посулы“ черемисинъ подвѣшиваетъ въ *кӱдӧ* (шалашѣ) или на подволокѣ избы, а малоцѣнные и особенно состоящіе изъ муки и крупы—гдѣ-нибудь въ огородѣ, на вѣткахъ деревьевъ. По числу этихъ „посуловъ“, прицѣпленныхъ къ матицамъ и стропиламъ названныхъ выше строеній, безошибочно можно всегда опредѣлить, въ какомъ долгу состоитъ черемисинъ у злобнаго Кереметя и добраго Юмы.

Мы намѣренно остановились на этомъ, чтобы отмѣтить ту роль, которую играютъ въ религіозной жизни черемисъ эти мужѣды (или мужѣдыши). Къ большому несчастію черемисъ, у нихъ никогда не было недостатка въ такихъ ворожецахъ, которые злоупотребляютъ своимъ близкимъ знакомствомъ съ богами, а въ существованіи послѣдняго черемисы глубоко убѣждены. Какой-нибудь плутоватый отставной солдатъ, иногда даже грамотный, раззоряетъ своихъ единоплеменниковъ, предъявляя отъ имени боговъ слишкомъ высокія требованія. Нерѣдко, по словамъ черемисъ, такой плутоватый мужѣдъ *просто на смѣхъ* назначаетъ дорогую жертву, чтобы досадить личному недругу. Черемисы умѣютъ, впрочемъ, цѣнить такіе поступки по достоинству: они проклинаютъ мужедовъ, презираютъ, съ бранью исполняютъ ихъ приказанія, но... не смѣютъ ослушаться, боясь злыхъ духовъ. Выведенные изъ терпѣнія, черемисы иногда круто расправляются съ подобнымъ ворожецомъ, а по смерти его наживаютъ себѣ новаго злобнаго духа, новаго Кереметя.

Но вернемся назадъ. Вмѣстѣ съ приказаніемъ на счетъ солода мужѣдъ одновременно велитъ положить посулъ въ молитвенной рощѣ (*кюс-о́ты*), посвященной тому богу, который, по

указанію ворожеца, „держитъ“ (*кучӓ*) или „ломаетъ“ (*логадылэ̀ш*) больного.

„Мѣстӓ ши́ндӧ“ (на мѣсто поставь), говоритъ мужедъ, т. е. въ рощѣ Кереметя. Этотъ посулъ можетъ быть сдѣланъ или прямо Кереметю, или ужасному *Йомшенеру*, или не менѣе его страшному *Чумбулату*, называемому чаще *Ку́гу-йынг*, или *Ку́рук-кугузӓ*, или *Немд-у́рук;* но для почина всегда выбираютъ злого помощника этого Чумбулата—*Піамбара* [1]). Всѣмъ этимъ богамъ обыкновенно если не у каждой деревни, то, по крайней мѣрѣ, у двухъ-трехъ есть особая хвойная роща, въ которой только злой семьѣ (*йеш*) этого Чумбулата и молятся. Семья эта довольнотаки обширна. Кромѣ Піамбара у Чумбулата есть еще: 1) *ужӧ́дыш*, 2) *вӧ́дӧш* (жертва—курица), 3) *Азы́рӧн* (пѣтухъ), 4) *шырт* (баранъ или утка), 5) *пи* (утка) и 6) *Капкӓ—о́роло* (утка). Если Чумбулату приносится въ жертву жеребецъ, то Піамбару—быкъ; кромѣ того обоимъ по свѣчкѣ и по 5 небольшихъ ржаныхъ хлѣбовъ, въ которые запекаются серебряныя монеты. Остальнымъ тоже полагается по вышеуказанной жертвѣ. Неудивительно, что этакое жертвоприношеніе можетъ обойтись рублей въ 50.

Приказаніе ворожеца на счетъ жертвы Піамбару немедленно исполняется. Но болѣзнь не покидаетъ больного.

Болѣзни эти, скажемъ къ слову, у черемисъ, какъ и вотяковъ, довольно разнообразны: не говоря о чесоткѣ, тифѣ, изнури-

---

[1]) *Куго́-йынг* дословно значитъ „большой человѣкъ“, *Ку́рук-кугузӓ*—„горный дѣдушка“, а *Немд-у́рук* (т. е. Нѣмдӓ́-ку́рук-кугузӓ)—„дѣдушка немдинской горы“. Эта гора, почитаемая черемисами доселѣ, нѣкогда составляла центральную святыню черемисъ, и о ней упоминаетъ еще *Олеарій*. Находится она на крутомъ берегу р. *Немды*, притокѣ Вятки съ правой стороны, близъ деревни *Чумбулатовой*, въ колянурской волости яранскаго уѣзда. Крайне любопытная исторія этой черемисской святыни будетъ нами разсказана особо.

Чумбулдт повсемѣстно извѣстенъ черемисамъ, но чаще подъ именемъ *Ку́рук-кугузӓ* (въ малмыжскомъ, елабужскомъ, царевококшайскомъ и уржумскомъ уѣздахъ) и *Ку́гу-йынг* (въ красноуфимскомъ) и *Ку́рӱк-умбӓл Керемэ̀т*, т. е. „на горѣ живущій Кереметь“, (въ бирскомъ уѣздахъ). Чумбулата черемисы представляютъ подъ видомъ важнаго барина, который ѣздитъ на четверкѣ, съ форейторомъ и лакеемъ на запяткахъ. Иногда онъ принимаетъ днемъ видъ зайца. Самое слово Чумбулатъ несомнѣнно тюркскаго происхожденія. *Йомшенӧр* въ особенности чтится въ уржумскомъ и красноуфимскомъ уѣздахъ. Этимологія слова показываетъ, что это есть духъ исчезнувшаго (*йӧмыш*) ключа (*энӧр*).

тельной лихорадкѣ, кровавомъ поносѣ (особенно у дѣтей), сифилисѣ, имѣющемъ довольно широкое распространеніе, благодаря полной свободѣ половыхъ сношеній у молодежи,—не говоря обо всемъ этомъ, достаточно указать на невозможную гигіеническую обстановку и дурное питаніе, чтобы съ полнымъ правомъ говорить о незавидныхъ условіяхъ, въ которыя поставлено здоровье черемисина, недовѣрчиво относящагося ко всякой врачебной помощи и перемогающагося до послѣдней крайности.

Продолженіе болѣзни черемисинъ прямо приписываетъ тому, что богъ не обращаетъ вниманія на его посулъ.

„Юмо огѣш инáны“ (не вѣритъ богъ), заключаетъ онъ, и опять идетъ къ ворожеку. Послѣдній вновь ворожитъ и обиняками даетъ понять, что теперь нужна уже *настоящая* жертва, а не посулъ. Однако уроки, полученные нѣкоторыми изъ мужедовъ, не пропадаютъ безслѣдно, и теперь они выражаютъ волю боговъ не столь опредѣленно, какъ прежде. Мужедъ говоритъ только:

„Ит чаманы̀... Шóкшӧ—некрàк кумàл!.. (А ты не жалѣй... Пока еще время (=пока горячо), приноси жертву“)!..

Посланецъ смекаетъ, къ чему клонится дѣло, и часто съ видимымъ неудовольствіемъ, почесывая въ головѣ, говоритъ:

„Кумалшàш ылйдà... (Жертву, видно, принести надо...)“

Не всегда пріятная вѣсть приносится домой, и больной, которому жаль разстаться съ жизнью, хотя и горькою зачастую, настаиваетъ на жертвоприношеніи. На домашнемъ совѣтѣ рѣшаютъ теперь принести въ жертву жеребца самому Чумбулату. Созывается близкая родня, приглашается опытный жрецъ (*карт*—въ царевококшайскомъ и уржумскомъ уѣздахъ, *кугузя̀*—въ малмыжск., *муллà*—въ бирскомъ и красноуфимскомъ), дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія и отправляются въ рощу Чумбулата. Спеціально для жертвоприношенія пекутся небольшіе прѣсные хлѣбы; предъ тѣмъ какъ садить ихъ въ печь, хозяйка вталкиваетъ внутрь по серебряной монетѣ и пятнаетъ ихъ щепотью (большимъ, указательнымъ и среднимъ пальцами): одна мѣтка посерединѣ, другая сбоку. Иныхъ хлѣбовъ (безъ мѣтки) Кереметь не принимаетъ. Если больной хотя отчасти сохранилъ еще силы, то, несмотря ни на суровое время года, ни на скверную погоду, онъ идетъ вмѣстѣ съ другими, вымывшись, какъ и прочіе, въ банѣ и надѣвъ чистое бѣлье.

Такъ какъ жертвоприношеніе Кереметю не описано, то я остановлюсь на немъ. Кто-нибудь изъ родныхъ ведетъ жертвеннаго жеребенка, а самъ больной несетъ, если можетъ, хлѣбы, яйца и медовую сыту. По приходѣ въ рощу, съ помощью живого огня разводится костеръ. Картъ украшаетъ гриву и хвостъ жеребца серебряными монетами, подвѣшенными на шелковыхъ ниткахъ; потомъ онъ отстригаетъ съ головы животнаго клокъ шерсти и бросаетъ въ огонь со словами: „ступай, огонь, скажи Чумбулату, что ему привели въ жертву жеребца!“ Затѣмъ двое поддерживаютъ лошадь подъ уздцы, а картъ льетъ изъ ковша воду, чрезъ вѣникъ изъ хвой, на спину лошади, отъ головы до хвоста. Если скотина вздрогнетъ, картъ восклицаетъ: „хорошо! возьми эту лошадь, больному дай здоровья“. Въ противномъ случаѣ обливаніе повторяется до трехъ разъ и болѣе. Скотинѣ спутываютъ ноги лычною веревкой, валятъ на-земь, плотно зажимаютъ ноздри и перерѣзаютъ горло. Теперь жертвенное животное закалается безъ мученій, но встарину, согласно чисто-шаманскому пріему, жертвѣ затыкали травой наглухо ноздри, челюсти туго связывали веревкой и, прежде чѣмъ перерѣзать горло, наносили нѣсколько колотыхъ ранъ. Такія истязанія жертвы до сихъ поръ совершаются у сибирскихъ шаманистовъ, если жертва приносится злому духу *Эрлик-хану*.

Подъ струю бьющей фонтаномъ крови подставляется чашка; потомъ этой кровью кропится и поливается у корня дерево, посвященное Чумбулату. Какъ только снята кожа и туша бережно разнята на части, безъ поврежденія костей, обрѣзается по куску отъ губъ, языка, горла, ушей, сердца, легкаго, печени и ногъ, какъ бы въ доказательство того, что жертва приносится безъ обмана; эти части варятся особо, въ маленькомъ котлѣ. Когда содержимое обоихъ котловъ сварится, жрецъ вынимаетъ въ большую чашку обрѣзки мяса изъ малаго котла, крошитъ туда мясо изъ большого, разбавляетъ наваромъ и начинаетъ молитву. Молитва эта коротка, потому что не столько молятся Чумбулату, сколько съ зубовнымъ скрежетомъ умоляютъ его, какъ великаго злодѣя, пощадить больного. Слова молитвы произносятся грубовато, безъ всякаго благоговѣнія.

„Ку́рӱ́к-умба́л керемѐт! Тынь логалынэ̀т марӣ́-йы́нглан гын, ко́лтӧ̆ порэ́шдӗ̆. Ты́дын лӱ́мжеде́нӗ̆ та̀ланэт кугӱ̀ шиэ̀т-де́нӗ̆, шорба̀-

дéнĕ, йýдентéнĕ, кугý сюкетдéнĕ, ложаштéнĕ удолынà. Илмèт пюсе, шыкшèт кужý, шке тыльмачлэ̀н пу, тул: „озя́ серла́гĕ, Кýрýк-умбàл керемèт!“ Поредэ̀ш кын, тàланэ̀т угы́чын шим тагадéнĕ чоклена̀, поредэ̀ш то́лько! (На горѣ живущій Кереметь! Если ты ломаешь человѣка-черемисина, то ты и вылѣчи его. Отъ имени его этимъ большимъ серебромъ, этой сытой, великою мукою и мёдомъ молимся тебѣ. Языкъ у тебя острый, дымъ твой — длинный, самъ ты, огонь, скажи: „помилуй, господинъ горный Кереметь!“ Если поможешь, огонь, принесемъ тебѣ въ жертву чернаго барана, только помоги!“)

Вотъ еще молитва: „Вотъ тебѣ, Чумбулатъ, лошадь съ серебряной гривой, съ серебрянымъ хвостомъ, дай больному здоровье, не держи его, не ломай!“

Содержимое чашки выливается теперь въ огонь; туда же кидаются кусочки хлѣбовъ, яицъ, плещется сыта, кумышка и пиво. Пока все это горитъ, молящіеся стоятъ на колѣняхъ, кланяются и повторяютъ то всѣ вмѣстѣ, то одинъ больной, слова молитвы. Только послѣ этого начинается жертвенная трапеза. Всѣ остатки и объѣдки тщательно заметаются вѣникомъ изъ хвой и бросаются въ огонь; туда же кидается голова жеребца и лычная уздечка, а шкура надѣвается на шестъ и ставится подлѣ дерева Кереметя. „Вотъ тебѣ, Чумбулатъ, лошадь и узда! Возьми это по-хорошему, больному дай здоровья, больше его не ломай!“

Затѣмъ отправляются домой и увозятъ оставшееся мясо, вполнѣ увѣренные, что *тул-бо́до̆ш* (духъ огня) извѣститъ Чумбулата о жертвоприношеніи, а *Капка̀—о́роло* (охранитель воротъ) доставитъ ему въ цѣлости и самую жертву.

Не рѣдкость такія моленія въ населенной черемисами окраинѣ. Проѣздомъ мимо кюс-ота, часто лежащаго близь самой дороги, можно иной разъ подъ вечеръ, замѣтить струйку дыма и увидать сквозь деревья группу черемисъ, колѣнопреклоненныхъ предъ деревомъ, обыкновенно хвойнымъ, потому что въ рощахъ, посвященныхъ злой семьѣ Кереметя, должны быть исключительно хвойныя деревья: сосна, ель, пихта. Молитва карта разносится въ вечерней тишинѣ, и особенно оттѣняется финалъ ея, повторяемый съ чувствомъ самимъ больнымъ и его семейными.

Больной принимаетъ участіе въ жертвенной трапезѣ, а если, по состоянію здоровья, онъ долженъ былъ остаться дома, ему

приносятъ жертвеннаго мяса. Можетъ случиться, что больному внезапно полегчаетъ; тогда исцѣлившее его жертвенное блюдо дѣлается священнымъ хранителемъ дома, ставится въ особой коробкѣ въ шалашѣ, и называется *кӱдо-вӧдӧш*.

Но въ зимнюю или ненастную пору отъ такого моленія о здравіи больной можетъ еще пуще расхвораться, чтб и очень натурально. Опять приходится обратиться къ ворожецу, который велитъ принести новую жертву. Вотъ этимъ и раззорительна для черемисъ ихъ вѣра. Въ крайности бросаются на все, и даже некрещенные служатъ молебны и ставятъ свѣчи въ русской церкви, особенно прибѣгая къ Николаю угоднику [1]). Но прежде пробуютъ чисто черемисскія средства.

Если мужедъ, узнающій волю боговъ, не можетъ указать вѣрнаго средства, родные призываютъ шептуна (*шӱвéдышӗ*=„плюющій“), или заклинателя, главная сила котораго заключается въ томъ, что, при помощи хитрыхъ заговоровъ, напоминающихъ общерусскія заклинанія, онъ сковываетъ волю злыхъ боговъ. Дѣлаетъ онъ эти заклинанія надъ водой, пивомъ, кумышкой [2]) или солью съ хлѣбомъ, дуя и плюя на наговариваемый предметъ и давая его съѣсть или выпить больному, или только впрыскивая его. Подобныхъ заклинателей среди черемисъ немного, и дѣятельность ихъ вполнѣ безкорыстна, а главное—нераззорительна для черемисъ. Въ санѣ шуведыша встрѣчаются и женщины, особенно старыя дѣвы [3]).

Ко времени приглашенія заклинателя больной становится обыкновенно крайне плохъ, и вскорѣ за этимъ для крещенаго боль-

---

[1]) Расположеніе инородцевъ къ Николаю угоднику объясняется, разумѣется, тѣмъ, что на иконѣ онъ изображается въ видѣ внушительнаго старца со строгимъ взглядомъ, въ епископской митрѣ.

[2]) *Кумы́шка*—водка домашняго приготовленія, не выше 10^0 крѣпостью—извѣстна вотякамъ, черемисамъ, татарамъ и чувашамъ, и у всѣхъ готовится по одному способу, который описанъ нами въ „Древней и Новой Россіи“ 1879, № 5, стр. 55—58.

[3]) Мнѣ припоминается при этомъ видѣнный мною въ 1878 г. въ Румянцевскомъ музеѣ роскошный манекенъ, изображающій черемисскую ворожею въ видѣ молодой дѣвушки, что весьма неправдоподобно. За все время близкаго знакомства моего съ черемисами (около 12 лѣтъ) я не знаю ни одного случая, чтобы молодая дѣвушка бывала ворожеей.

ного приглашается священникъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что исповѣдь для язычествующихъ черемисъ—большею частью пустая проформа, и къ ней прибѣгаютъ лишь для того, чтобы избавиться отъ проволочекъ, къ сожалѣнію и теперь имѣющихъ мѣсто въ инородческихъ окраинахъ, если только больной умеръ безъ напутствія. Черемисы этой тяготы страшно боятся, невольно припоминая волокиту добраго стараго времени.

Если больной плохо говоритъ по-русски, исповѣдь дается глухая, или больной самъ по-черемисски разсказываетъ свои прегрѣшенія; но иногда переводчикомъ служитъ дьячекъ, всегда лучше священника знающій языкъ черемисъ.

„Зачѣмъ и знать-то ихъ языкъ?“ говорилъ мнѣ покойный отецъ Иванъ въ с. Слесаревѣ: „Если ругу спросишь, такъ по-русски поймутъ, а если исповѣдывать надо, такъ пускай и по-черемисски говорятъ... Не мнѣ вѣдь, а Богу каются; ну, а Богъ всякіе языки пойметъ...“

Такого взгляда держатся многіе священники черемисскихъ приходовъ и зачастую не знаютъ даже десяти черемисскихъ словъ, проживъ среди черемисъ двадцать лѣтъ, какъ вышеупомянутый о. Иванъ. Священники этого рода зачастую тяготятся своимъ положеніемъ въ черемисскомъ приходѣ и охотно подѣлятся со всякимъ своими впечатлѣніями, особенно впечатлѣніями отрицательнаго свойства.

„Придешь ты“, говорилъ мнѣ названный выше о. Иванъ: „придешь къ больному черемисину для напутствія... Сидитъ онъ на нарахъ въ полушубкѣ, въ шапкѣ, съ трубкой въ зубахъ, а самъ, вѣдь, ждетъ священника... Поневолѣ побранишься! Станешь искать свѣчку на божницѣ, чтобы затеплить предъ иконой, а икона-то стоитъ внизъ головой, да и свѣчи нигдѣ нѣтъ... Небось, когда Кереметю-то, поганцы эдакіе, молятся, такъ свѣчки толще пальца ставятъ, а Богу-то вотъ истинному нѣтъ, видите-ли!.. Ну, зажжешь свою свѣчу, а больной-то все еще въ шапкѣ сидитъ и трубку сосетъ. Вотъ тутъ и исповѣдывай!.. Вырвешь трубку, станешь грѣхи спрашивать: въ этомъ онъ не грѣшенъ, въ другомъ не виноватъ, ровно тебѣ праведникъ какой! Ему все это, видите-ли, пустяки, а не грѣхъ.

„Ну, сказывай: не воровалъ ли?“

— Развѣ я мошенникъ какой? Вотъ Яшка сусѣдъ, тотъ все ташшитъ—плоха̀ не клади... Наша есть ишшо мало—мала свое!

„Можетъ, поссорился или подрался съ кѣмъ?“

— Напрасно не скажи; развѣ я Егорка какой? Онъ вотъ со всякимъ ругатся да дерется... Ты его и спроси!

„Да, можетъ, ты съ чужой бабой согрѣшилъ?“

— Э-э! Наша своя нѣтъ развѣ? Небось вонъ какой!.. Золотой баба!..

„А моложе-то былъ когда, будто не грѣшилъ? У васъ вѣдь вонъ какой содомъ въ семикъ-то бываетъ!..“

— Эй, бачка! И зачѣмъ пустяки калякать, чего не надо? Развѣ молода пора былъ, самъ дѣвкамъ не гулялъ?..

„И хохочетъ, вѣдь... да! Вотъ тутъ и канителься съ ними... Ну, прочитаешь разрѣшительную молитву, скрѣпя сердце, и уйдешь... Нѣтъ, тяжко намъ тутъ живется...“

Да, дѣйствительно, *тяжко*, тяжко не только жить въ такихъ условіяхъ, но и слушать подобные разсказы, выхваченные прямо изъ живой дѣйствительности. Жалко становится и дикаря-черемисина. И въ самомъ дѣлѣ: кто-то, зачѣмъ-то крестилъ его, но забылъ, какъ видно, научить всему, что̀ потребно христіанину, да еще надъ простодушіемъ этого же дикаря, невольнаго христіанина, зло смѣется...

Чувствуя близость смерти, больной собираетъ вокругъ себя семейныхъ, а если можно—и знакомыхъ, благословляетъ дѣтей и даетъ краткое наставленіе (сӱгы̆нӟы) для ихъ будущей самостоятельной жизни, завѣщаетъ, что̀ нужно положить съ нимъ въ гробъ, кому представлять лицо его на поминкахъ въ 7-й и 40-й день. Слабѣющимъ голосомъ умирающій говоритъ:

„Шулыка̀нъ, поы̀н, пія̀ла̀н, кужӱ̀ ӱмыра̀н лиза̀... Сайн илы̆за̀: кугуракта̀чын, кугураклàн пы̆шта̀н, вожы̆лза̀; изиракта̀чын, изиракла̀н пыштэ̀н, лӱдса̀... Укэ̀ ма̀нын, йы̀нгын по̀гыжо̀м ида̀ лога̀л... Э-эх! йы̀нгын мо̀жѐ укэ̀? Колотка̀шкѐ мыйденэм у ку̀пчыко̀м, у ужга̀м пыштыза̀... Вургемэм Йыва̀н чѝжѐ, Опона̀с да Кргòри му̀шкышт... (Удачливы, богаты, счастливы, долговѣчны будьте! Живите согласно: передъ старшимъ, считая его за старшаго, будьте почтительны; младшаго, считая его за младшаго (стало быть—и

неразумнаго), бойтесь. У чужого человѣка, смотрите, имѣнья не трогайте... Э-хъ! мало ли что̀ есть у чужого-то человѣка? Въ колоду (гробъ) со мной новую подушку, новую шубу положите... Одежду мою пусть Иванъ надѣнетъ (на поминкахъ), а Аѳанасій да Григорій пусть обмываютъ)".

Разумѣется, не всякій умирающій способенъ давать именно такія наставленія, но мы приводимъ то, что̀ чаще всего говорится при подобныхъ случаяхъ. Устное завѣщаніе умирающаго, особенно произнесенное предъ свидѣтелями, имѣетъ силу писаннаго и составляетъ одну изъ видныхъ статей обычнаго права черемисъ, которое, кстати сказать, доселѣ вовсе не изучалось, какъ и вообще мало изучалось обычное право нашихъ волжскихъ инородцевъ. Этимъ устнымъ завѣщаніемъ наслѣдники руководствуются при семейныхъ раздѣлахъ и при выдѣлѣ приданаго дочерямъ покойнаго. Поэтому и необходимо при умирающемъ присутствіе родныхъ или хорошихъ знакомыхъ, въ качествѣ свидѣтелей послѣдней его воли.

Когда черемисинъ разстается съ жизнью, это значитъ, что ангелъ-хранитель (*вачевӓл-сӱчӧ*), охранявшій его въ теченіе всей жизни, исполняя волю судьбы (Кавӓн-юмо), оставилъ его, а ангелъ смерти Азырѐн, ближайшій сотрудникъ Чумбулата, огромнымъ (но невидимымъ) ножемъ перерѣзаетъ ему горло и извлекаетъ изъ трупа всю кровь. Видя наступленіе агоніи, родные поспѣшно вытаскиваютъ изъ-подъ умирающаго перину и подстилаютъ солому; въ то же время около умирающаго ставится чашка съ водой, чтобы кровожадный Азырѐн омылъ въ ней свои обагренныя кровью руки.

Съ того момента, какъ черемисинъ испустилъ духъ, трупъ его становится уже чѣмъ-то страшнымъ и нечистымъ для семьи, чѣмъ-то такимъ, прикосновеніе къ чему оскверняетъ, а страхъ побуждаетъ даже не ночевать въ избѣ, пока въ ней находится покойникъ.

Глава II.

Похороны черемисина.

Приглашеніе родныхъ дѣлать гробъ. Разные виды гробовъ: досчатый, дупляный, изъ цѣльнаго ствола. Древніе виды погребенія: въ ямѣ, выложенной досками или каменными плитами. Обмываніе и одѣваніе трупа. Занятія женщинъ. Соболѣзнующія сосѣдки съ холстомъ и блинами. Сожженіе посуловъ всякаго рода. Наиболѣе цѣнные посулы только коптятся въ пламени березовой лучины. Положеніе во гробъ. Необходимый для загробной жизни инвентарь: ножъ, трубка, огниво, кремень, лапоть съ кочедыкомъ, липовая палка, запасъ пищи, куски холста, водка, деньги. Спеціальный инвентарь, смотря по роду занятій и полу покойника: начатая вышивка, топорикъ, щипчики, мѣшечекъ съ ногтями. Значеніе шелковой нити. Гостинцы для умершихъ ранѣе дѣтей. Остатки отъ постройки гроба, бѣлье и постель покойника бросаются въ оврагъ. Поведеніе родственниковъ. Вынось тѣла по древнему и новому способу: чрезъ особое отверстіе и въ дверь, головой впередъ. Удержаніе родительскаго счастія. Похоронный экипажъ, современный и древній. Куриная жертва у воротъ. Приготовленіе могилы. Проводы до кладбища. Поведеніе остающихся дома женщинъ. Образчикъ женскаго плача по покойникѣ. Опусканіе гроба въ могилу и страхъ предъ нею. Лѣстница для покойника. Отчего встрѣчаются въ древнихъ черемисскихъ могилахъ скелеты въ неправильномъ положеніи? Тризна по усопшемъ на могилѣ. Надгробный памятникъ. Баня послѣ похоронъ. Поминальный столъ.

Какъ только умирающій испустилъ духъ, кто-нибудь изъ членовъ семьи тотчасъ же (если смерть случилась днемъ) бѣжитъ къ сосѣдямъ. Если же покойникъ появился ночью, оповѣщеніе отлагается до утра. Только къ дѣтямъ, оставшимся круглыми сиротами, сосѣди немедленно являются сами. Подходя поочередно къ окнамъ сосѣдскихъ домовъ, посланный зоветъ:

„Пёрт иштàш миза! Йывàн колэ̀н... (Идите домовину дѣлать! Иванъ умеръ)“.

Три—четыре сосѣда являются немедленно на зовъ и принимаются за постройку гроба (*колотка*, собств. „колода“, или *пёрт*=„домъ“, домовина).

Теперь уже въ однѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ колоды изъ цѣльнаго сосноваго, рѣже дубоваго обрубка, или, для легкости, изъ дуплистаго дерева, преимущественно изъ липы; а по другимъ мѣстамъ—всюду досчатые гроба, связывая доски лыками. Только въ глухихъ уголкахъ сохранился чисто черемисскій способъ погребенія—безъ гроба или колоды, между четырехъ до-

сокъ, изъ которыхъ двѣ короткія ставятся стоймя въ головахъ и ногахъ, а двѣ длинныя—ребромъ по бокамъ могилы; или еще проще: двѣ доски по бокамъ, одна сверху. Съ правой стороны въ одной изъ этихъ досокъ прорубается окошечко, чрезъ которое покойникъ могъ бы имѣть сообщеніе со здѣшнимъ міромъ. Послѣдній способъ устройства могилы необычайно рѣдокъ и наблюдается одними некрещеными, въ красноуфимскомъ и бирскомъ уѣздахъ, отчасти въ завятской (лѣвобережной) части малмыжскаго. Изъ моихъ раскопокъ на древнихъ черемисскихъ кладбищахъ выяснилось, что иногда вмѣсто досокъ борта могилы обставлялись каменными плитами, а трупъ прикрывался берестомъ.

Являются тѣ, кому предъ смертію покойникъ завѣщалъ обмывать себя. Самое обмываніе (непремѣнно теплою водою) совершается у крещеныхъ въ избѣ на полу, а у язычниковъ—въ амбарѣ (*клат*), но очень небрежно, большею частью при помощи вѣника, иногда даже насаженнаго на палку, чтобы меньше приходилось касаться руками трупа. Стеченіе народа въ въ этомъ случаѣ бываетъ большое, и работа кипитъ во всѣхъ углахъ.

Подушку дѣлаютъ чаще изъ листьевъ вѣника или изъ стружекъ отъ гроба, если самъ покойникъ не завѣщалъ положить пуховую. Покойника одѣваютъ въ его любимыя одежды, обыкновенно праздничныя, или въ тѣ, относительно которыхъ онъ сдѣлалъ распоряженіе; нахлобучиваютъ ему на голову шапку или картузъ, смотря по времени года, и непремѣнно надѣваютъ рукавицы (хотя противъ этого всегда возстаютъ священники *), и кладутъ на лавку, головой въ передній уголъ, а у язычниковъ—даже на полъ, головой къ двери и на соломенной подстилкѣ. Красноуфимскіе черемисы ставятъ въ головахъ покойника рѣшето съ ячменемъ (что это значитъ, я не могъ узнать) а около кладутъ полѣно, на которое прилѣпляются восковыя свѣчи въ честь умершаго.

Пока строятъ гробъ, обмываютъ и одѣваютъ покойника, женская половина семейства, затопивши печку, начинаетъ печь

*) Обыкновенно, по настоянію священника, шапка и рукавицы снимаются, но при наложеніи на гробъ крышки (предъ выносомъ изъ церкви) родственники потихоньку засовываютъ въ гробъ и шапку, и рукавицы. Если нельзя этого сдѣлать въ церкви, то исполняютъ при опусканіи гроба въ могилу.

блины (*мельнà*). Съ блинами же являются соболѣзнующія сосѣдки, захвативъ кромѣ того съ собой по куску бѣлаго домашняго холста (отъ 2 четв. до 1 арш. длины), чтобы накрыть имъ лицо покойника. Видимо, это дѣлается для того, чтобы покойникъ, лицо котораго накрывается этимъ лоскутомъ, не пугалъ своимъ появленіемъ тѣхъ, кого онъ зналъ при жизни. Ставя свѣчку на край гроба или на полѣно, или на дно чашки, опрокинутой въ головахъ покойника, сосѣдки говорятъ:

„Йывàн—кугузà! Тэбэ́ ту́дŏ шу́ргŏ лебедышетлàн ли́жĕ... (Дядюшка Иванъ! вотъ это для твоего лица покрываломъ пусть будетъ)“...

Вслѣдъ за печеніемъ блиновъ приступаютъ къ сожженію „посуловъ“, какіе покойникъ сдѣлалъ при жизни, давши обѣтъ принести извѣстному богу жертву. Въ пламени пылающей печи жгутъ узелки съ хлѣбными зернами, хмелемъ, воскомъ, лепешками и т. п. предметами, составляющими „посулъ“. Но иной усердный черемисинъ, въ припадкѣ благодарности богамъ, не ограничивается такими посулами, а поименно, въ присутствіи домашнихъ, называетъ и указываетъ тѣ вещи, которыя онъ намѣренъ употребить при будущемъ моленіи. Черемисинъ говоритъ въ такихъ случаяхъ:

„Тэбэ̀, Юмо (такой-то), шолтышàшлык пóдŏм сакѐм, тэбэ̀ пурушàш тобáром... (Вотъ, боже, я вѣшаю (для тебя) котелъ для варки, вотъ топоръ для рубки дровъ)...“

Черемисинъ идетъ даже дальше и прямо указываетъ ту полѣнницу, изъ которой онъ возьметъ въ кюс-отъ дровъ для жертвоприношенія, а то просто отбираетъ отъ жены болѣе цѣнные наряды, напр. серебряное *ширкамà* (подковообразная фибула на груди) или *ши-бóлтыш* (круглая серебряная пластинка, въ родѣ большой пуговицы, носимая также на груди) и вѣшаетъ ихъ въ знакъ обѣта на стѣнѣ въ шалашѣ.

Теперь все это необходимо сжечь, быть можетъ потому, что и посулы должны слѣдовать за покойникомъ въ другой міръ. Но жечь все въ буквальномъ смыслѣ было бы убыточно, поэтому сжигаютъ только малоцѣнныя вещи, а дорогія слегка коптятъ надъ горящимъ пукомъ лучины. Этимъ способомъ вещи дѣлаются доступными для всеобщаго употребленія. Дровами, обѣщанными для жертвоприношенія, усердно топятъ печь, а изъ

воску, входящаго въ составъ посула иногда въ порядочномъ количествѣ, дѣлаютъ свѣчи, которыя сожигаютъ въ этотъ же день.

Какъ только сдѣлали гробъ, его вносятъ въ избу и ставятъ на лавку или скамейку, гдѣ удобнѣе, но очень рѣдко на столъ (только у обрусѣвшихъ черемисъ). Если покойникъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ гробъ положили новую пуховую подушку и шубу, это исполняютъ, подостлавъ также внизъ войлочекъ. Всякій бѣднякъ хотя одинъ войлокъ и кафтанъ постелетъ въ гробъ, и только развѣ подушку позволитъ себѣ набить листьями вѣника или стружками.

Одѣтаго покойника кладутъ въ гробъ на эту подстилку. При положеніи въ гробъ родные приговариваютъ:

„Йывӓн кугузӓ (или *ачи*, *куачӓ*)! Пёртэ̀т шӧкшӧ лӥжё... (Дядюшка Иванъ (или „отецъ, дѣдушка“)! Домовина твоя да будетъ тепла)...“

Справа, въ уровень съ головой трупа, приходится небольшое окошечко, часто даже со стекломъ, чтобы покойный домохозяинъ, иной разъ почетное при жизни въ деревнѣ лицо, могъ иногда взглянуть на покинутое имъ родное гнѣздо и узнать, всели тамъ въ порядкѣ?

По ту и другую сторону трупа кладутъ всѣ вещи, могущія понадобиться покойнику на томъ свѣтѣ. Къ необходимымъ для покойника вещамъ принадлежатъ:

1) ножъ съ ножнами, привѣшиваемый къ поясу съ лѣваго боку. Если можно опасаться, на основаніи прижизненныхъ данныхъ, что покойникъ повредитъ кому-нибудь изъ живыхъ этимъ ножемъ, то кончикъ у него отламывается. При раскопкахъ старыхъ могилъ такіе ножи часто встрѣчаются.

2) трубка съ табачнымъ кисетомъ, огнивомъ и кремнемъ;

3) заплетенный (начатый плетеніемъ) лапоть съ кочедыкомъ;

4) липовая палка, рѣже пукъ прутьевъ рябины, либо шиповника и калины; шиповникъ—для отогнанія на томъ свѣтѣ злыхъ духовъ, калиновыя прутья—для защиты отъ змѣй на томъ свѣтѣ, а липовая палка—чтобы отбиваться отъ загробныхъ собакъ, обладающихъ особенно острыми зубами;

5) запасъ лепешекъ для утоленія голода на первое время;

6) полуштофъ или меньше водки (или кумышки), если покойникъ выпивалъ.

Если покойникъ нюхалъ, кладутъ табакерку; если былъ музыкантъ—его пузырь; если страдалъ глазною болѣзнью (обыкновенно *trachoma*)—щипчики, которыми онъ при жизни вырывалъ себѣ загнувшіяся внутрь рѣсницы; помимо этого кладется въ гробъ самая любимая вещь покойника, но рѣдко очень цѣнная. Всѣ лоскуты холста, принесенные сосѣдками, кладутся также съ покойникомъ, прикрывая его лицо.

Топоры въ гробъ теперь почти не кладутъ, или очень рѣдко, по ихъ цѣнности, а денегъ для задабриванія адскаго судьи совсѣмъ мало,—какой-нибудь пятакъ. Но встарину въ этомъ отношеніи соблюдалась большая щедрость. Въ музеѣ отечествовѣдѣнія при Казанскомъ университетѣ выставлены находки въ древнихъ черемисскихъ могилахъ, изъ раскопокъ д-ра *Стоянови*, и между прочимъ 135 серебр. копѣекъ XVII в. въ особомъ кожаномъ кисетѣ.

Женщинѣ всегда кладутъ принадлежности шитья: лоскутъ холста съ начатой вышивкой, иголку и нитки.

Встарину клали небольшой топоръ, которымъ рукодѣльная черемиска при жизни копала корень *марёны* (*порлà—чія*, Rubia tinctorum); но благодаря распространенію кумача и красной бумаги, марёной теперь очень рѣдко окрашиваются домашнія ткани, стало быть рѣдки и подобные топорики.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у покойниковъ затыкаютъ уши шелкомъ, чтобы при допросѣ, которому подвергнется черемисинъ на томъ свѣтѣ, можно было сослаться на глухоту. Иногда затыкаютъ шелкомъ носъ и прикрываютъ глаза съ подобною же цѣлью. Хотя для покойника жалѣть вообще ничего не слѣдуетъ, однако рѣдко кладутъ цѣнныя украшенія, потому что ихъ вообще немного въ обращеніи, благодаря усиливающейся среди черемисъ бѣдности.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ только съ однимъ мужчиной кладется въ гробъ лапоть. Все остальное, даже трубка, табакерка и топоръ могутъ безъ различія сопровождать на тотъ свѣтъ мужчину и женщину. Разрывая старинныя черемисскія могилы, я находилъ при женскихъ костякахъ даже ножи, хотя и рѣдко.

Лапоть, кочедыкъ, топоръ всегда кладутся съ лѣвой стороны; кисетъ съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ—за пазуху, деньги и

табакерка — въ карманъ или за пазуху, а водка—въ головы, чтобы удобнѣе было достать; туда же кладется и закуска, въ видѣ лепешекъ.

Всѣмъ умершимъ, безъ различія пола, полагается въ гробъ мѣшечекъ съ ногтями, остриженными при жизни: они нужны будутъ, когда на томъ свѣтѣ придется взбираться на крутыя горы и въ кровь исцарапать свои ногти отъ чрезмѣрныхъ усилій.

Сбоку трупа или поверхъ савана протягивается нитка (чаще шелковая): большому покойнику—для прохода по ней надъ котломъ съ кипящей сѣрой, а маленькому—чтобы онъ выросъ на томъ свѣтѣ въ длину нитки.

Упомянемъ въ заключеніе, что въ женскій гробъ кладутся также гостинцы для ранѣе умершихъ дѣтей. Мать или бабушка предназначаетъ для нихъ орѣхи, сушеную черемуху, пряники или малиновую пастилу (*лебаш*), приготовленную въ видѣ лепешки.

Какъ только покойникъ положенъ въ гробъ, всѣ стружки и обрѣзки досокъ собираютъ и кидаютъ въ ближайшій, спеціально для этого назначенный оврагъ, гдѣ татары старательно подбираютъ то и другое, особенно въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ. Платье, въ которомъ умеръ черемисинъ, встарину вѣшалось надъ могилой, а теперь бросается въ оврагъ вмѣстѣ съ постелью; въ красноуф. уѣздѣ это платье связывается въ одинъ узелъ и вѣшается на задворкахъ на колъ или подъ крышу, и виситъ тамъ, пока не истлѣетъ. Черемисы любятъ спать на перинѣ, а такъ какъ выбрасывать ее послѣ покойника было бы убыточно, то, при наступленіи предсмертной агоніи, перину выдергиваютъ изъ-подъ умирающаго и торопливо подстилаютъ слой соломы. Въ иныхъ мѣстахъ черемисы говорятъ, что на соломѣ душа легче разстается съ тѣломъ.

Послѣ всѣхъ хлопотъ надъ покойникомъ, слѣдуетъ короткая нижеприводимая молитва и поминовеніе покойника блинами. Плачъ надъ покойникомъ считается вообще предосудительнымъ у черемисъ, такъ какъ черемисы убѣждены, что, пока покойникъ еще въ избѣ, душа его витаетъ около трупа. А душа эта утратила теперь способность понимать надлежащимъ образомъ то, что совершается въ избѣ: ей все представляется наоборотъ, пока трупъ не погребенъ. Соболѣзнованіе и рыданія родныхъ кажутся ей чѣмъ-то въ родѣ обиднаго смѣха и не всегда пристойной пѣсни; нужно пѣть веселыя пѣсни, которыя покойный любилъ при жизни.

И черемиски стараются затянуть подобную пѣсню, но родственное чувство неожиданно беретъ верхъ, и осиротѣвшая семья начинаетъ непритворно плакать, высчитывая достоинства покойника...

Бездушный трупъ внушаетъ черемисамъ сильный страхъ, поэтому его стараются держать въ домѣ возможно кратчайшій срокъ, и крещеные торопятся вынести его въ церковь. [1]) Гробъ большею частью отвозится въ церковь на лошади; только на очень близкихъ разстояніяхъ обрусѣвшіе черемисы несутъ его на рукахъ.

Древній обычай требовалъ, чтобы трупъ выносился не въ дверь, а чрезъ проломъ въ сѣверной стѣнѣ, гдѣ обыкновенно устраивается волоковое окно. Но обычай этотъ уже давно оставленъ, даже у язычниковъ, и только древніе старики о немъ разсказываютъ. Старики объясняютъ это такимъ образомъ: если пронести въ дверь, то, значитъ, показать Азырену (смерти) вѣрную дорогу въ домъ; между тѣмъ какъ проломъ въ бревенчатой стѣнѣ задѣлывается тотчасъ же, и Азыренъ тщетно будетъ искать входа.

Предъ выносомъ гроба изъ избы для помѣщенія на соотвѣтствующемъ времени года экипажѣ, покойникъ ставится на полъ, головою къ порогу. Дѣти умершаго (мальчуганы) перешагиваютъ по три раза черезъ гробъ и каждый разъ хватаются руками за нижній конецъ гроба, чтобы „удержать въ своихъ рукахъ“ отцовское или материнское счастье. Обыкновенно присутствующіе побуждаютъ къ этому дѣтей слѣдующей фразой:

„Ачáтын (или: абáтын) пиялжóм кóдо! (Отцовское (или материнское) счастье захвати)“.

Подъ своимъ *пиял* черемисы разумѣютъ совокупность благопріятныхъ условій, сопровождающихъ веденіе хозяйства. Непостижимымъ образомъ удача сопровождаетъ иной разъ всякое дѣйствіе счастливаго человѣка, тогда какъ у другого никакое дѣло не спорится въ рукахъ. Понятно, почему желательно роднымъ, чтобы счастье умершаго домохозяина досталось его наслѣдникамъ. Ребятишки, хватаясь руками въ избѣ за гробъ (въ уржумскамъ и малмыжскомъ уѣздахъ) или подергивая покойника за подолъ

---

[1]) По этой причинѣ встарину не только на черемисскихъ кладбищахъ, но и при каждой деревнѣ устраивалась особая „мертвецкая“—небольшая избушка, въ которой трупъ хранился въ теченіе трехъ сутокъ, что требуется по закону.

платья, предъ самымъ выѣздомъ изъ воротъ (въ яранскомъ и царевококшайскомъ уѣздахъ), говорятъ:

„Ачù! шкедэнэ́т пырля піялэ́тӧм на́лын ит кай: меланнà піялэ́тӧм ко́дӧ! (Отецъ! съ собой взявши твое счастье, не уходи: намъ твое счастье оставь!..)“. Окружающіе знакомые также прощаются съ покойникомъ, трогая его за подолъ и прося не ходить къ нимъ и не пугать ихъ.

Въ указанномъ положеніи — головой впередъ — гробъ выносятъ на дворъ. Этотъ пріемъ соблюдается еще въ очень многихъ мѣстахъ и клонится къ тому, чтобы обмануть Азырена: видя выносимаго впередъ головой покойника, онъ не разберетъ, что это умершій и, быть можетъ, не такъ скоро явится въ эту семью за новой жертвой. На дворѣ гробъ повертывается ногами впередъ и ставится на экипажъ, на которомъ его и везутъ до кладбища; на рукахъ покойниковъ не носятъ, опасаясь оскверненія, и только обрусѣвшіе черемисы примѣняютъ этотъ способъ.

Между выѣздомъ со двора и постановкой гроба на телѣгу или сани [1]) стараются дѣлать самый незначительный промежутокъ, чтобы лошадь не успѣла испражниться: это — скверная примѣта, и въ непродолжительномъ времени она неизбѣжно повлечетъ за собою смерть другого члена семейства. Наскоро отрубивъ голову пѣтуху (*алдàн*) или курицѣ (*чи́бы*), бросаютъ ее подъ ноги лошади, подлѣ самыхъ воротъ, ведущихъ на улицу, приговаривая: „ты́дӧ вюрьдэ́нэ шке вюрэ́тӧм Азырэн-гы́чин сулэ̀н лук (этою кровью выкупи твою кровь у Азырена)“. И если ноги лошади, колеса или полозья экипажа не раздавятъ курицы, то, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, не предстоитъ осиротѣвшему семейству новой утраты, новаго горя. Неповрежденная курица съѣдается, по возвращеніи съ похоронъ, а раздавленная кидается въ сторону, въ видѣ жертвы Азырену [2]).

---

[1]) Черемисы чрезвычайно рѣдко, и то больше въ красноуфимскомъ уѣздѣ, практикуютъ теперь вывозъ покойника въ лѣтнее время *на саняхъ*. Мнѣ случилось видѣть это только дважды, и каждый разъ родные дѣлали такъ по особому завѣщанію покойнаго.

[2]) Въ годы эпидемій, когда при выносѣ каждаго покойника нужно рубить голову курицѣ, число послѣднихъ у черемисъ значительно сокращается. Тотъ же обычай наблюдается у вотяковъ казанской и вятской губ. Производя лѣтомъ 1883 года подворную перепись въ двухъ вотскихъ волостяхъ мамадышскаго

Передъ выносомъ гроба въ церковь двое или трое черемисъ съ утра отправляются на кладбище и роютъ могилу (*шӱгӓр*) указной трехаршинной, а чаще неуказной глубины. Разумѣется, дѣло это совершается въ нѣсколько иные сроки, если умершій черемисинъ—язычникъ (чи-мари—„настоящій черемисинъ"), для котораго могила роется въ направленіи съ С. на Ю., такъ чтобы ноги приходились на полдень. Хотя и не вездѣ, у черемисъ сохранился еще своеобразный страхъ *предъ могилой*, копая которую, они стараются не становиться въ нее ногами. Встарину этотъ обычай строго поддерживался, поэтому глубина могилъ на старинныхъ кладбищахъ, какъ показываютъ наши раскопки въ въ малмыжскомъ и уржумскомъ уѣздахъ, нигдѣ не превышаетъ 5 четвертей, а иногда колоду прикрываетъ только тонкій слой земли.

Если умеръ мужчина, женщины, въ силу стариннаго черемисскаго обычая, не должны его сопровождать ни въ церковь, ни на кладбище: дочь не можетъ провожать отца, жена — мужа, сестра—умершаго брата. Оставаясь дома, женская половина семьи предается теперь настоящему плачу. Въ то же время сопровождающіе похоронную процессію не смѣютъ выказывать признаковъ горя. Если черемисинъ везетъ покойника на далекое кладбище, онъ совершенно безпечно сидитъ на гробу и куритъ трубку. Но все же намъ не случалось видѣть черемисина, дотого забывшаго свое горе, чтобы увеселять въ дорогѣ себя и покойника игрой на гармоникѣ, какъ иной разъ дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ вотяки (напр. глазовскаго уѣзда вятск. губ.).

Выше я уже упоминалъ, что пока покойникъ въ избѣ, плакать предосудительно: *нужно пѣть*, потому что покойнику, будто-бы, кажется теперь все наоборотъ: пѣсню онъ приметъ за плачъ, а плачъ за оскорбительную для себя насмѣшку. До самаго погребенія покойника никто не пьетъ кумышки и водки, даже съ горя, которое и выражается преимущественно въ импровизаціи, распѣваемой про жизнь покойника. Импровизація эта напоминаетъ сѣверноруссклй плачъ и часто дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Можно сказать, ни одна добрая черта въ характерѣ покойника не остается безъ трогательнаго описанія, ни одно

уѣзда казанской губ., я нашелъ въ селѣ *Остормо-Юмъ* нѣсколько дворовъ, въ которыхъ совсѣмъ не было куръ: оказалось, что всѣ онѣ переколоты по случаю смертности на дѣтей, умиравшихъ отъ кроваваго поноса.

упущеніе въ хозяйствѣ, которое неизбѣжно повлечетъ за собою смерть взрослаго работника, не остается безъ перечисленія. Мать съ любовью вспоминаетъ добрый нравъ и мелкія шалости своего ребенка, жена восхваляетъ трудолюбіе своего мужа, а мужъ—рукодѣлье своей жены, ея хозяйственность.

Несмотря на то, что плачъ составляетъ существенную принадлежность культа мертвыхъ у черемисъ, у нихъ не создалось особаго рода плакальщицъ (плачея́ или вопленница), какъ у русскихъ на сѣверѣ. По этой причинѣ существуетъ очень мало общеизвѣстныхъ плачей, которые представляли бы особый видъ народнаго черемисскаго творчества. При записываніи текстовъ, я встрѣчалъ наибольшую удачу въ тѣхъ семействахъ, гдѣ покойникъ былъ недавно, гдѣ плачъ распѣвался уже неоднократно и былъ свѣжъ въ памяти.

Вотъ образчикъ такого плача жены по мужѣ.

1. „Ой, чебэ̀р кечэ̀м! ку́шкӧ ка́йшыч,
изи́ рыбэ̀зи-шамы́чӧм кодэ̀н?
Кӧ ну́ным туныкта̀, кӧ куча̀?
О-ой-ой!..

Ой, свѣтлое мое солнце! куда ты закатилось,
Малыхъ ребятишекъ оставивши?
Кто ихъ научитъ, кто поддержитъ?
О-ой-ой!..

2. Кӧ куралэ̀ш, кӧ вӱда̀,
кӧ шога̀-вӱ́ӥштӧм, тырма́штӧм,
у́рлык-ко́мтыштӧм олмыкта̀?
О-ой-ой!

Кто вспашетъ, кто посѣетъ,
кто соху-то, борону-то,
сѣтево-то (кто) устроитъ?
О-ой-ой!..

3. Коч Лайдемырэ̀т ку́шкын шумэ̀ш иле ы́ли!
Эша̀ йында̀лымат адэ́мы-се́мын иштэ́н огэ̀ш мошта̀т...
О-ой-ой!

Хоть Владиміръ-то вырости поспѣлъ бы!..
А онъ еще лапти-то по-людски
Плести не умѣетъ...
О-ой-ой!

4. Кӧ пу́жӧм пучкэ̀ш, кӧ йында́лӧм иштá,
кӧ ёжа́клыкӧм, мер-шо́лыклыкӧм кычалэ̀ш?
Ой, чонэ̀м! ку́шкӧ ка́йшыч?..
О-ой-ой!..

Кто дровъ нарубитъ, кто лапти сплететъ,
кто денегъ на ясакъ (на подати), на мірскіе сборы промыслитъ?
Ой, сердце мое! Куда ты ушелъ?
О-ой-ой!..

5. Лу́чы тый верчывэ̀т шке возэ̀м ы́ли, тышэ̀н ко́дӧн орланыме́шкы...
О-ой-ой, Юмо, ой, чонэ̀м!..

Лучше вмѣсто тебя сама легла бы,
Чѣмъ, здѣсь оставшись, мучиться...
О-ой-ой, Юмо, ой, душа моя!..

По прибытіи похоронной процессіи на кладбище, этнографъ можетъ наблюдать еще во многихъ мѣстностяхъ крайне любопытные обряды. Такъ, въ красноуфимскомъ уѣздѣ и среди язычъ-

никовъ бирскаго и малмыжскаго уѣздовъ предъ опусканіемъ гроба въ могилу принято зажигать въ сѣверномъ концѣ могилы три восковыя свѣчи, въ честь владыкъ загробнаго міра: Тамукъ-вуя, Кіамат-тӧры и Кіамат-савуша. Чтобы не осквернялься, опускаясь для этой цѣли въ могилу, черемисы налѣпляютъ обрѣзки свѣчей на палки и втыкаютъ ихъ сверху въ дно могилы.

Предъ опусканіемъ гроба въ могилу, гробовая крышка снимается и тряпки удаляются на время съ лица покойника, чтобы онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на вольный свѣтъ; затѣмъ крышка закрывается. Гробъ снимается съ экипажа не руками, а такимъ способомъ: вокругъ верхняго и нижняго концовъ гроба захлестывается по петлѣ изъ лычныхъ веревокъ; такія же петли дѣлаются на свободныхъ концахъ веревокъ, на $^1/_2$ аршинной примѣрно высотѣ отъ крышки гроба. Въ верхнія петли продѣваютъ длинный шестъ. Уперевшись въ шестъ плечами, поднимаютъ гробъ съ экипажа и подносятъ къ могилѣ, въ которую носильщики стараются не смотрѣть. Вынувъ ножи, постоянно висящіе у пояса, они какъ можно скорѣе стремятся перерѣзать веревку одновременно. Обрѣзанный гробъ грузно ударяется въ дно могилы, иногда сначала однимъ, потомъ другимъ концомъ; можетъ случиться и такъ, что гробъ перевернется вверхъ дномъ. Этимъ только и можно объяснить, почему, при раскопкѣ древнихъ черемисскихъ могилъ, случается встрѣчать совершенно ненатуральное для могилы положеніе скелета.

При обыкновенномъ опусканіи гроба въ могилу встарину, по словамъ *Рычкова* (Дневн. Зап., I часть, стр. 90), черемисы говорили: „ит лӱд, весь тӱнзӓ кӓзн (не бойся, идя въ другой міръ)“. Теперь формула эта упростилась. Когда гробъ коснулся дна могилы, его трижды слегка приподнимаютъ за веревки и каждый разъ уговариваютъ покойника: „ит лӱд (не бойся)“.

Съ борта могилы до дна опускается теперь шелковая нитка, какъ будто лѣстница, со словами: „кузашэт, волашэт лиӂе (т. е. „для вылѣзанія и слѣзанія твоего пусть служитъ)“.

Опущенный въ могилу гробъ тотчасъ засыпается слегка землею, не толще, какъ на четверть аршина. Лишь только земля накрыла гробъ, душа умершаго вступаетъ въ загробный міръ и идетъ по черемисскимъ мытарствамъ, взбираясь на крутыя горы, переходя черезъ пропасти, отбиваясь отъ собакъ и змѣй, пока

не доберется до строгаго адскаго судьи *Кіамат-тӧра́*. Тутъ явится ангелъ-хранитель черемисина и начнетъ пересчитывать его грѣхи. А въ это время на кладбищѣ, подлѣ слегка засыпанной могилы, совершается тризна. Бросая въ могилу кусокъ блина или мяса и отливая нѣсколько капель кумышки, погребающіе говорятъ:

„Йыва̀н, тоштӧ марѝшкы кайна̀т! Во̀лгӧдӧ ке́чы̆шты кошт!.. Умба̀лнысэ рокѐт ку̀штылгӧ ли́жӗ... Тэбэ арака̀м йю!.. шужы! (Иванъ, къ старымъ черемисамъ (т. е. къ предкамъ) переселился ты! При свѣтломъ солнцѣ ходи (живи тамъ)! Лежащая сверху (тебя) земля да будетъ легка... Вотъ тебѣ водка—пей!.. пусть дойдетъ она (до тебя)!“.

Всѣ пьютъ при этомъ, забывая иногда мѣру. Когда захваченные съ собою запасы истощатся, всѣ объѣдки, кости и даже иногда посуду бросаютъ въ могилу и быстро засыпаютъ землей, оставляя въ головахъ небольшую дырку или ямку. Положивъ при прощаньѣ въ ямку на могилѣ кусокъ блина и выливъ стаканчикъ водки, всѣ возвращаются домой, кто съ плачемъ, а кто и съ пѣснями.

Лопаты, которыми была вырыта могила, кидаются подлѣ, какъ негодныя для дальнѣйшаго употребленія, вслѣдствіе оскверненія; шестъ и веревки бросаются тутъ же. Иногда обрѣзокъ шеста съ вырѣзанною на немъ тамгою умершаго домохозяина втыкается въ насыпь и служитъ памятникомъ. Но если покойникъ при жизни пользовался дурной славой, особенно если былъ зловреднымъ мужедомъ, то кругомъ могилы вбиваютъ колья съ заостренными верхушками, чтобы онъ не такъ легко вылѣзалъ изъ могилы, собираясь вредить живымъ.

Встарину подлѣ могилы оставляли сани, на которыхъ привезли покойника, но чрезвычайно рѣдко теперь, когда черемисинъ сдѣлался далеко экономнѣе въ этомъ отношеніи; притомъ многіе изъ нихъ живутъ въ совершенно безлѣсной мѣстности, и сани являются для черемисъ весьма цѣнною принадлежностью хозяйственнаго инвентаря.

Ко времени возвращенія домой участниковъ похоронъ готовится баня, чтобы погребавшіе могли омыться отъ оскверняющаго прикосновенія къ мертвецу и перемѣнить одежду. Похоронный экипажъ очищается отъ оскверненія тѣмъ, что оставляется на

три дня подъ открытымъ небомъ. Затѣмъ слѣдуетъ поминальный столъ, главнымъ образомъ состоящій изъ блиновъ, пива и кумышки съ водкой. И здѣсь не обходится безъ краткаго поминовенія усопшаго, за которымъ съѣдается зарѣзанная при выносѣ курица. Значительно подвыпившіе поминальщики расходятся затѣмъ по домамъ.

Глава III.

Поминки въ 7-й (шы́мыт) и 40-й день (ны́ллы).

Почему для поминокъ частныхъ установлены семидневный и сорокадневный сроки? Приглашеніе родныхъ и знакомыхъ на поминки. Гости являются съ жертвою для покойниковъ. Поѣздка на кладбище для приглашенія недавно умершаго на трапезу. Молитва къ владыкѣ загробнаго міра. Обращеніе къ покойнику, его дѣтямъ, пріятелямъ и загробнымъ знакомымъ. Чѣмъ заканчивается иногда приглашеніе? Баня для покойниковъ, гдѣ ихъ, подъ видомъ липовой палки, парятъ вѣникомъ. Поминки начинаются съ наступленіемъ темноты, при огнѣ. Поминальный столъ и посуда для покойниковъ. Распорядитель поминокъ—*сортэ пуэ́дыш*—и его роль. Представитель покойника—*вургэ́м чи́шӧ*. Свѣчи въ честь умершихъ и ихъ значеніе. Ритуалъ поминокъ. Особыя свѣчи въ честь безродныхъ покойниковъ. Чѣмъ сдѣлался теперь покойникъ для родственниковъ? Общее причитаніе по недавнемъ покойникѣ. Угощеніе покойника. Пляска вургэ́м чи́шӧ подъ особую музыку. Нравоученіе семейнымъ отъ имени покойника Значеніе пляски. Обязательное бодрствованіе въ ночь поминокъ. Участіе дворовыхъ собакъ въ поминкахъ. Проводы покойника на кладбище. Краткое возліяніе и поспѣшное удаленіе домой. Поминки въ сороковой день (ны́ллу). Годовыя поминки. Поминки при всякомъ удобномъ случаѣ. Непрерывная трапеза для умершихъ.

Въ предыдущихъ главахъ я подробно остановился на всѣхъ обрядахъ, совершаемыхъ съ момента смерти черемисина до его погребенія. Вся совокупность отношеній живыхъ къ покойнику показываетъ, что черемисы одновременно гнушаются покойникомъ, боясь осквернія, и въ тоже время испытываютъ предъ нимъ страхъ, какъ предъ существомъ высшаго порядка. Такая двойственность проглядываетъ и во всемъ дальнѣйшемъ отношеніи къ покойнику, который требуетъ къ себѣ вниманія, почтенія и жертвы очень долгое время, до тѣхъ поръ, пока его имя не забудется на землѣ. Продолжая за гробомъ существованіе, подобное земному, душа черемисина сохраняетъ способность воз-

родиться до 7 разъ, каждый разъ на *новой землѣ*. Если жизнь на седьмой и послѣдней землѣ была не особенно грѣховна, черемисинъ обращается въ рыбу (*кол*) и продолжаетъ свое существованіе подъ видомъ этой рыбы; если же жизнь черемисина изобиловала грѣхами, то онъ окончательно умираетъ (*колà*). Если мы обратимъ вниманіе на эти два слова, то сразу поймемъ, что вѣрованіе это, какъ и многіе мнѣнія разныхъ народовъ, создалось на чисто этимологической почвѣ, на почвѣ такъ называемаго народнаго словопроизводства. Съ того момента, какъ могила засыпана землей, душа черемисина пускается въ далекое и трудное странствованіе. Въ теченіе 7 дней душа эта обозрѣваетъ 7 міровъ, въ которыхъ она когда-то существовала, а потомъ наступаетъ для нея хожденіе по мытарствамъ, оканчивающееся въ сороковой день генеральнымъ испытаніемъ, при помощи прохожденія по тонкой веревкѣ надъ пропастью, на днѣ которой кипитъ наполненный сѣрою котелъ. Удушающій смрадъ сѣрныхъ паровъ не даетъ душѣ грѣшника возможности перебраться черезъ пропасть, хотя бы носъ покойника и былъ предусмотрительно заткнутъ шелкомъ: онъ свалится въ котелъ. Итакъ, понятно, почему черемисы дѣлаютъ поминки въ 7-й день. Труднѣе найти объясненіе поминкамъ въ 40-й день; только у чувашъ совершается нѣчто подобное, но эстонцы и финны совершаютъ эти поминки въ 30-й день. Заимствованіе сорокового дня у русскихъ еще не объясняетъ дѣла, потому что и у русскихъ это повѣрье имѣетъ происхожденіе апокрифическое (изъ житія Василія Новаго, гдѣ излагается видѣніе блаженной Θеодоры о мытарствахъ и адѣ).

На третій или четвертый день послѣ похоронъ хозяинъ дома, а за смертью его, кто-нибудь изъ семейства умершаго ѣдетъ ко всѣмъ ближайшимъ родственникамъ и короткимъ знакомымъ и приглашаетъ ихъ на *шӹмыт* (поминки въ 7-й день). Приглашеніе это обыкновенно дѣлается обиняками. Разговоръ ведется вначалѣ о совершенно постороннихъ вещахъ, и только въ заключеніе, какъ бы мимоходомъ, приглашающій говоритъ о причинѣ своего пріѣзда.

Въ назначенный день всѣ приглашенные идутъ и ѣдутъ въ домъ покойника съ желтыми восковыми свѣчами домашняго приготовленія и съ блинами. Эти приношенія на поминки весьма характерны и указываютъ прямо на то, что каждый изъ поми-

нающихъ обязанъ отъ себя принести жертву покойнику, которая и составляетъ сущность поминокъ. Чтобы задобрить покойника, ѣдущіе на поминки везутъ съ собою яичную жидкую селянку (*пӱлашкӓ мӱнӧ*) или густую яичницу (*салмӓ мӱнӧ*), нѣсколько колобковъ сухого сыру (*туарӓ*), жареную курицу (*чиӥбӓ*), а главное—водки (*аракӓ*) и кумышки одинъ или два полуштофа. Всякой всячины по возможности заготовляютъ и въ томъ домѣ, гдѣ должны происходить поминки. Гости собираются обыкновенно къ вечеру, зимой часамъ къ тремъ, а лѣтомъ позднѣе, но всегда къ сумеркамъ, ибо только въ тѣ часы, когда солнца нѣтъ на горизонтѣ, души умершихъ могутъ странствовать по землѣ.

Около этого времени хозяинъ дома, а за отсутствіемъ въ домѣ возрастныхъ мужчинъ—кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ ѣдетъ на кладбище, въ сопровожденіи мальчугана (сына, племянника и т. д.), на обязанности котораго лежитъ караулить лошадь; на обратномъ пути мальчуганъ правитъ лошадью, если старшій захмелѣетъ, неумѣренно прикладываясь къ полуштофу на могилѣ.

Вынувъ изъ-за пазухи полуштофъ, черемисинъ присѣдаетъ около могилы на колѣнки и начинаетъ не то молитву, не то приглашеніе покойнику. Но сначала онъ обращается къ владыкѣ загробнаго міра и его помощнику:

„Кіямӓт-тӧразӗ, Кіямӓт-сӓвуш! тӧшто йынг-шӓмычом кочкӓш йюӓш эркӗш колтызӓ... (Господинъ Кіяматъ, и ты, помощникъ Кіямата! Старыхъ черемисъ (покойниковъ) на волю ѣсть-пить отпустите...)“

Черемисинъ дѣлаетъ возліяніе водкой и какъ бы ожидаетъ отвѣта, который всегда предполагается благопріятнымъ. Послѣ небольшой паузы онъ продолжаетъ:

„Кубӓ! тӧштӧ мари́шкӗ кайнӓт... вӧлгодӧ кӗчештӗ кошт! Тэбэ аракӓм йю... (Жена! къ старымъ черемисамъ ушла ты... при солнечномъ свѣтѣ ходи (тамъ)! Вотъ тебѣ водка: пей!..)“

И онъ дѣлаетъ возліяніе, произнося: „шӱжӧ!“ (Пусть дойдетъ!)

При этомъ онъ самъ хлебнетъ чрезъ горлышко, сколько придется.

„Ындэ́ шы́мыт пайраметӓт шун... Айдӓ пайрамышкӗт! (Теперь седьмой день праздника твоего наступилъ... Приходи на праздникъ-то этотъ!)“

Опять возліяніе и отпиваніе изъ полуштофа.

„Шочшэ̀т-ша̀мычӗма̀т, тангэ̀т-шамычӗтыма̀т нал!.. (Дѣтей твоихъ и пріятелей-то твоихъ съ собой возьми!..)“

Снова возліяніе и отпиваніе. Затѣмъ черемисинъ обращается къ своимъ раньше умершимъ дѣтямъ, называя ихъ по имени, дѣлая въ честь ихъ возліяніе и продолжая осушать полуштофъ:

„Павлъ э̀ргӗм, Марья ӱдӱрэ̀м! тэ̀ат айдыза̀: абада̀н шы̀мыт пайра̀мжӗ шун... (Павелъ, сынъ мой, Марья, дочь моя! и вы приходите: для вашей матери седьмой день праздника наступилъ!..)“

Пригласивши поименно всѣхъ ближайшихъ родственниковъ на предстоящія поминки и покончивъ съ водкой, черемисинъ остается нѣкоторое время въ размышленіи предъ могилой. Въ его опьянѣвшей головѣ невольно начинаютъ роиться воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда умершіе были живы, когда и онъ былъ съ ними счастливъ по-своему. Теперь эти могильные бугры скрываютъ то, что нѣкогда было ему дорого, предъ чѣмъ онъ теперь робѣетъ, потому что покойникъ сталъ для него существомъ высшаго разряда, которое онъ долженъ умилостивлять. Сожалѣніе о преждевременной утратѣ вызываетъ у него жалобныя восклицанія: „О-ох, Юмо!.. э-эй, куба̀! тӧштӧ марѝшкӗ кайна̀т... (О-охъ, Юмо (боже)! Эхъ, жена! къ старымъ черемисамъ ты ушла!...)“.

Отъ горя пьяный черемисинъ быстро переходитъ къ безсильной злобѣ и принимается ругать преждевременно оставившую его жену или дочь, точь-въ-точь, какъ это дѣлаютъ самоѣды на Ялмалѣ. Правда, это бываетъ въ крайней степени опьяненія; но мы не одинъ разъ видали, какъ черемисинъ неистово топалъ ногами на могилѣ, ругая самымъ непристойнымъ образомъ вѣчнымъ сномъ спящаго подъ могильнымъ бугромъ покойника: такъ дѣлалъ однажды дряхлый отецъ надъ могилою сына, а въ другой разъ—жена надъ могилою мужа.

Упившійся на могилѣ черемисинъ ложится въ телѣгу или сани, а мальчуганъ, не оглядываясь назадъ, во всю прыть привозитъ его домой. Ко времени ихъ возвращенія съ кладбища готовится баня, въ которую идутъ и гости по желанію, особенно если не мылись дома. Первыми отправляются въ баню мужчины. Если поминки справляются по мужчинѣ, они зовутъ его съ собой, выходя изъ избы. То же самое дѣлаютъ женщины, если покой-

БИБЛИОТЕКА

никъ женскаго пола. Величая покойницу именемъ старшаго домохозяина, женщины говорятъ, напримѣръ:

„Сѝдыр-аба́ж (ака́, йынгка́, шѐшкѐ), айда́ моча́ш! [Сидорова жена (или: сестра, сноха, невѣстка), пойдемъ въ баню!“].

Но въ банѣ обыкновенно изображаетъ покойника простая липовая палка, приготовляемая заранѣе. Я не могъ рѣшительно нигдѣ доспроситься, не употреблялась ли раньше у черемисъ кукла вмѣсто палки. Самая палка не снабжается никакими нарѣзками, которыя давали бы хотя отдаленный намекъ на человѣческую фигуру. Любопытно только то, что липа, какъ „дерево святое“ (*она̀ пу*), посвящаемое добрымъ богамъ, имѣетъ способность прогонять все нечистое, особенно шайтана.

Въ банѣ парятъ вѣникомъ эту липовую палку. Раза два поинтересовался я взглянуть, какъ парятъ черемисы своихъ покойниковъ. Быстро распахнувъ однажды дверь въ баню, я увидалъ, какъ самъ хозяинъ, что есть мочи, ударялъ вѣникомъ по липовой палкѣ, и самъ же визжалъ и кряхтѣлъ, въ знакъ испытываемаго душой покойника удовольствія. Въ другой разъ, въ день поминокъ умершаго домохозяина, я видѣлъ, какъ *вургѐм чи́шѐ* парилъ не липовую палку, а просто хлесталъ вѣникомъ по ступенькѣ ведущей на полокъ лѣстницы; окружающіе испускали при этомъ чисто-скиѳскіе вопли удовольствія, какъ бы отъ лица умершаго, а *вургѐм чи́шѐ* даже ногами взлягивалъ отъ восторга.

Послѣ выхода изъ бани, уже при огнѣ, начинается поминовеніе. Приходятъ еще новые гости съ различной стряпней, особенно женщины; мужчины же, соблазняясь предстоящей выпивкой, приносятъ только свѣчку или хотя мѣдную монету. Хозяинъ дома всѣхъ радушно принимаетъ.

При свѣтѣ лучины начинается приготовленіе угощенія для покойниковъ. Ближе къ двери, чаще у сѣверной, чѣмъ у западной стѣны дома, ставится на лавкѣ пустое лукошко или корыто, а въ переднемъ углу (на нарахъ) разстилается скатерть, на которую безъ особенной симметріи разставляются чашки съ блинами, жареными курицами, селянкой, сыромъ и водкой въ бутылкахъ; сюда же присоединяются хозяйскія щи или уха въ огромной чашкѣ съ ручкой (*а́лдыр*), пиво въ буракахъ съ ильмовой обдѣлкой по краю (*ленгѐж*) и хорошій запасъ кумышки и меду. Тутъ же кладутся восковыя свѣчи, но хозяйскія непремѣнно

отдѣльно отъ принесенныхъ гостями. Передъ этими яствами и питіями ставится стулъ съ высокой спинкой (*пӱкѐн*), на который садится (въ шапкѣ, какъ и всѣ присутствующіе) особый распорядитель, обыкновенно старикъ (все равно, по комъ бы ни справлялись поминки — по мужчинѣ или женщинѣ), носящій особый титулъ—*сортà пуэ̀дышӹ*=„раздаватель свѣчей“.

Сложная церемонія поминокъ, сопровождающихся своеобразными молитвами, которыя далеко не всѣмъ заурядным черемисамъ извѣстны, уже давно вызвала появленіе особаго рода спеціалистовъ, занимающихъ мѣсто на ряду съ картами (жрецами) и мужедами и носящихъ титулъ „раздавателя свѣчей“. Раздаватель свѣчей обязательно приглашается на праздникъ въ честь умершихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, которому покойникъ завѣщалъ изображать себя на поминкахъ, не знаетъ достаточно всѣхъ мелочей этого культа.

Представляющій покойника обыкновенно связанъ былъ съ нимъ тѣсною дружбой или близкимъ родствомъ; изображая лицо покойника, онъ одѣвается въ его обычную одежду и отъ имени его говоритъ нравоученіе покинутой семьѣ. Титулъ этого лица—*вургѐм чӥшӹ*=„надѣвающій одежду“. *Вургѐм чӥшӹ* можетъ быть и женщина, если праздникъ совершается въ честь покойницы; покойница передъ смертью сама указываетъ на особу, которая должна ее представлять. Женщина, однако, не можетъ раздавать свѣчей, и если на мужскихъ поминкахъ возможно соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей „раздавателя свѣчей“ и *вургѐм чӥшӹ*, то оно недопустимо на женскихъ. Причина заключается въ томъ, что *сортà пуэ̀дышӹ* есть спеціальный жрецъ для усопшихъ, какъ бываютъ жрецы у Юмы и прочихъ боговъ; но жрицъ черемисская религія не допускаетъ совсѣмъ, и въ этомъ, между прочимъ, заключается ея коренное различіе отъ чистаго сибирскаго шаманства.

Въ седьмой день этого *вургѐм чӥшӹ* можно и не имѣть, но присутствіе его обязательно въ сороковой день. Если покойникъ, умирая скоропостижно, не успѣлъ назначить *вургѐм чӥшӹ*, наслѣдникъ избираетъ самъ на эту должность особаго любимца покойника или своего ближайшаго друга.

Вставая со своего стула, *сортà пуэ̀дышӹ* даетъ понять, что пора приступить къ дѣлу. Хозяинъ беретъ со скатерти пукъ

свѣчей и по штукѣ подаетъ сортà-пуэ̀дышу, который одну за другой ставитъ ихъ въ рядъ на полѣнѣ или длинной гнилушкѣ, лежащей за столомъ на лавкѣ или на особой полочкѣ, нарочно укрѣпленной для этой цѣли на стѣнѣ, на высотѣ одного, примѣрно, аршина отъ кушаньевъ. Три первыя свѣчи потолще ставятся въ честь владыкъ загробнаго міра, которымъ читается одна и таже молитва, только съ перемѣной имени.

„Кіямàт-тӧрáзы, Кіямàт-сáвуш, Тáмук-вуйжӗ! Тэбэ̀ тăланэ̀т Епсинкà пайрáмӧм ыштэ̀н, тэбэ̀ сортàм пуà... Толзà, кочзà, йюзà; кочдэ̀, йюдэ̀ идà кай! Тӧшто йынг шáмычӧм кочкàш-йюàш эркӗш колтызà! [Господинъ Кіяматъ, помощникъ Кіямата и ты, глава подземнаго міра! Вотъ тебѣ Евсѣй (мужъ покойницы или глава семейства) праздникъ сдѣлалъ, вотъ свѣчку даетъ (ставитъ)... Приходите, ѣшьте и пейте! не ѣвши, не пивши не уходите... старыхъ людей ѣсть-пить на волю отпустите!..]“.

Сортà пуэ̀дышӗ кланяется по направленію къ полочкѣ; ему вторятъ всѣ присутствующіе. При четвертой свѣчкѣ уже прямо называется недавноумершій: „Епсинкàн-ватă! Тэбэ̀ тăланэ̀т кугузà сортàм пуà... Вóлгодӧ кéчештӗ кошт... Пичкéмыш тунэ̀т вóлгодӧ лúжӗ, умбáлнысе рокэ̀т кýштылгӧ лúжӗ! [Евсѣева жена! Вотъ тебѣ старикъ (т.-е. мужъ) твой свѣчку даетъ... При свѣтломъ солнцѣ ходи!.. темный (подземный) міръ твой пусть будетъ свѣтелъ, сверху тебя лежащая земля да будетъ легка!..]“

Само собой разумѣется, что обращеніе къ покойнику соотвѣтственно измѣняется, если умеръ, напримѣръ, мужъ, сестра, братъ (меньшóй или старшій).

При слѣдующихъ свѣчкахъ поминаются всѣ раньше умершіе родственники домохозяина и вновь пріобрѣтенные покойникомъ въ загробной жизни друзья-пріятели, чего никакъ нельзя пропустить, потому что самъ хозяинъ, приглашая душу покойницы на праздникъ въ честь нея, просилъ ее захватить съ собой новыхъ пріятелей и пріятельницъ. Трудно, разумѣется, догадаться, кого сдѣлала душа въ загробномъ мірѣ своимъ искреннимъ другомъ: можетъ быть, какого-нибудь безроднаго, всѣми забытаго черемисина... Въ виду этого, послѣдняя свѣча домохозяина предназначается этимъ безроднымъ, забытымъ всѣми покойникамъ (*вéктымӧ-кýктымӧ* въ Царевококшайскомъ, Уржумскомъ и Малмыжскомъ

уѣздахъ, *утым* — въ Красноуфимскомъ и Бирскомъ уѣздахъ). „Вѐктымӧ-куктымӧлàн шу́жӧ! (Безроднымъ, забытымъ дошло бы!)“

Когда запасъ хозяйскихъ свѣчей истощился, *сортà пуэ́дыше́* принимается за принесенныя гостями свѣчи, ставя ихъ исключительно недавно умершему покойнику. Все время, пока читаются вышеприведенныя молитвы, публика вполголоса вторитъ сортà-пуэ́дышу; но когда свѣчи гостей ставятся одна за другой въ честь недавняго покойника, домохозяинъ становится рядомъ со чтецомъ и про себя бормочетъ нѣчто оригинальное: не то заклинаніе, не то молитву къ покойнику:

„Кубà! тóштӧ мари́шкѐ кайнàт!.. Вóлгодӧ кéчештѐ кошт, илàш пóлшӧ; коштмаштӧ, йюмáштӧ, кочмáштӧ пиялом пу!.. рыбезѐтшáмычӧм ончàш пóлшӧ, пашалàн пóлшӧ!.. тушмàн шонэ̀н кóштышӧм поктэ̀н кóлтӧ!.. вóлик-шáмычӧм ит шалáлтӧ, канúсырышко ит мýртӧ, вóлик-шамычлàн ит сýсыртӧ, кúндэ-шинчáлӧм ит чыкéдыл!.. Кубà, вóлгодӧ кéчештѐ кошт! [„Старуха!“ взываетъ онъ къ женѣ своей: „къ старымъ черемисамъ ты ушла... При свѣтломъ солнцѣ ходи (тамъ), жить помогай; во время дороги, въ питьѣ, въ ѣдѣ счастья дай!.. дѣтей твоихъ воспитать помоги, въ работѣ пособи!.. Зло думая (со зломъ на умѣ) ходящаго (человѣка) отгони (= прогнавши пусти)!.. Скотину не распугивай, въ напасть (бѣдствіе) не вводи, скотину не увѣчь, за хлѣбъ-соль не хватайся (не прикасайся!).. Старуха, при свѣтломъ солнцѣ ходи!..]“

И черемисинъ нѣсколько́ разъ униженно кланяется предъ доской съ зажженными свѣчами. Вышеприведенныя фразы ясно указываютъ на то, чѣмъ стало теперь для черемисина нѣкогда близкое ему при жизни существо. Онъ уже ставитъ покойника въ разрядъ мелкихъ боговъ, могущихъ если не прямо вредить ему, то такъ или иначе разстраивать его хозяйство, увѣчить скотъ...

Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить выраженіе „за хлѣбъ-соль не хватайся“, потому что прикосновеніемъ этимъ они оскверняются и дѣлаются негодными къ употребленію: придется или сжечь ихъ, или выкинуть.

Мы видимъ, какъ въ душѣ черемисина совершается сложный психологическій процессъ: въ умѣ его любовь къ покойнику и страхъ передъ нимъ переплетаются съ заботой о томъ, чтобы

душа умершаго испытывала въ иномъ мірѣ удовольствіе (*ма́мырлык*), при видѣ свѣта зажженной восковой свѣчи. Смотря по тому, какое чувство беретъ перевѣсъ, соотвѣтствующая часть этой своеобразной молитвы разрастается, прямо переходя, напримѣръ, въ похоронный плачъ такого содержанія:

„Куба̀! о̀жно̆ ры̆безѐт-ша̀мычо̆м ы̆шке́ ончѐт, чиктэ̀т ы́лѐ, чыла̀ шуктэ̀т ы́лѐ; ке́чѐ вакшт-валанэ̀т огэ̀ш онча̀л ы́лѐ... Ындэ̀ кö тугѐ шта̀? [Старуха! раньше (т.-е. при жизни) за дѣтьми своими ты сама смотрѣла будто, сама одѣвала будто, во всемъ успѣвала будто; солнце поверхъ постели твоей, пожалуй, не заглядывало (не заставало тебя въ постели)... Теперь кто такъ сдѣлаетъ?]“

Причитаніе это, если къ нему примкнутъ всѣ семейные, можетъ значительно удлинниться, особенно когда выражается непритворная скорбь. Плачъ по покойникѣ въ седьмой и сороковой дни *обязателенъ* для семейныхъ; сосѣди могутъ, напримѣръ, попрекнуть вдову, если она не причитаетъ по мужѣ, распѣвая подобный плачъ. Поэтому плачи ведутся (или разыгрываются, въ случаѣ недостатка истиннаго чувства) въ эти дни болѣе или менѣе мастерски. Когда вся семья нараспѣвъ тянетъ этотъ плачъ, онъ походитъ на заунывную, надрывающую душу пѣсню. Въ знакъ горести женщины закрываютъ лицо руками, вытираютъ глаза концомъ фартука, но „слёзно“ плачутъ рѣдко, больше подъ хмелькомъ. Плачъ этотъ, какъ и въ день похоронъ, долженъ обязательно содержать нѣчто хвалебное для покойника. Вообще же относительно плачей нужно замѣтить, что въ 7-й и 40-й день они отличаются глубиною и задушевностью содержанія.

Когда я впервые услыхалъ подобный плачъ, я невольно сравнилъ его съ плачемъ цыганъ-язычниковъ надъ могилой молодой дѣвушки, которую они схоронили на городскомъ выгонѣ (1861 г.). Расположившись кружкомъ около могилы, подлѣ которой разложенъ былъ большой костеръ, цыгане оплакивали преждевременно погибшую дѣвушку. Какая-то старая цыганка голосила, то поднимая руки къ небу, то ударяя себя въ грудь, а ей съ рыданіями хоромъ вторили остальные. На насъ, ребятишекъ, это причитаніе произвело потрясающее дѣйствіе: мы плакали навзрыдъ. Что-же оказалось потомъ, когда всѣ усѣлись за трапезу, принялись за водку и пѣсни? Оказалось, что весь этотъ плачъ былъ попросту отлично разыгранъ, потому

что умершая бѣлокурая красавица только недавно присiала къ цыганамъ и совсѣмъ не имѣла въ таборѣ родственниковъ...

По окончаніи плача, *сортà пуэ́дышĕ* приступаетъ къ угощенію душъ усопшихъ, невидимо присутствующихъ, по вѣрованію черемисъ, въ избѣ.

Отломивъ по кусочку отъ каждаго твердаго кушанья, онъ кладетъ ихъ въ порожнее лукошко; сюда же отливается, или, вѣрнѣе—плещется по ложкѣ щей или ухи, льется съ помощью небольшой чашки пиво, а изъ маленькаго стаканчика—водка, при чемъ *сортà-пуэ̀дышĕ* говоритъ:

„Епсинкàн вàтă! тоштŏ маришкĕ кайнáт... Ындэ̀ шы́мыт пайраметàт шун: тэбэ́ пурамáт, аракамàт йю!.. Киндэ̀т-шинчалэ́т ток ли́жĕ! Шужэ̀н, кылмэ́н ит кай! [Евсѣева жена! къ старымъ черемисамъ ушла ты... Теперь седьмой (день) праздника твоего наступилъ: пей же ты вотъ это пиво, эту водку!.. Хлѣба и соли да будетъ тебѣ вдоволь! Голодная, холодная не уходи!]“

Сортà пуэ́дышĕ при этомъ поочередно показываетъ на предлагаемыя кушанья. Приглашаются къ ѣдѣ всѣ души, а также и безродныя—*вĕ́ктымŏ-куктымŏ* или *уты́м*. Затѣмъ всѣ присутствующіе обоего пола въ свою очередь приглашаютъ покойниковъ насладиться трапезой.

Только послѣ угощенія душъ усопшихъ черемисы сами принимаются за ѣду и питье, совершенно забывая теперь о покойникахъ. Трапеза эта тянется довольно долго и совсѣмъ не имѣетъ грустнаго характера, благодаря большому количеству кумышки и водки. Наполняющія избу души покойниковъ, по вѣрованію черемисъ, въ это время наслаждаются предложенными имъ въ лукошкѣ или корытѣ яствами и питіями, вдыхая въ себя ароматъ питій и поглощая питательное начало блиновъ, сыра, яичницы и т. д., вообще довольствуясь весьма малымъ, сравнительно съ живыми.

По окончаніи ужина, обязательно приглашаемый музыкантъ-музырщикъ (*шу́бырзĕ*) настраиваетъ свою волынку (*шу́быр*) и начинаетъ извлекать изъ нея визгливо-протяжные, жалобные звуки. Подъ звуки этой похоронной музыки *вургéм чи́шĕ*, изображающій особу покойника выступаетъ въ костюмѣ недавноумершаго на средину избы и начинаетъ пѣть заунывнымъ по-

койницкимъ напѣвомъ (*ко́лышӧ сем*) самую любимую пѣсню покойнаго. Здѣсь разыгрывается нѣчто театральное: *вурге́м чи́шӗ* быстро переходитъ отъ пѣсни къ импровизаціи и отъ имени умершаго какъ бы жалуется на разлуку съ родными, на то, что его забываютъ. Но вотъ пузырщикъ ускорилъ темпъ, и полилась веселая пѣсня, рисующая довольство души покойника предложеннымъ угощеніемъ. Все ускоряя темпъ, но постоянно держась высокихъ нотъ, пузырщикъ начинаетъ играть плясовую, подъ которую и выплясываетъ *вурге́м чи́шӗ*, кружась по солнцу, сначала медленно, какъ-бы разминая онѣмѣвшіе отъ лежанія въ могилѣ члены, а потомъ, по мѣрѣ ускоренія темпа, все бойчѣе и бойчѣе, пока не дойдетъ до присядки (если только умѣетъ плясать вприсядку); такъ пляшетъ онъ съ остановками до полнаго изнеможенія, обязательно осѣняя себя при всякой остановкѣ крестнымъ знаменіемъ. Подобная пляска совершается въ три пріема, съ двумя паузами.

Конечно, все это до крайности забавно, но, дѣйствуя такимъ образомъ, черемисы, видимо, хотятъ нагляднѣе представить то удовольствіе, какое душа испытываетъ, вкусивши отъ предложеннаго ей родичами угощенія, большую часть котораго хотя они и уничтожаютъ сами, но въ *честь покойника*, а это, съ точки зрѣнія черемисъ, много значитъ. Приведу, кстати, образчикъ веселой пѣсни:

Ла́пын-ла́пын койлдалэ́ш—
Заво́д шинда́ш кельшалэ́ш;
Кю́гшин-кю̀гшин койлдалэ́ш—
Эх, пола́т шинда́ш кельшалэ́ш!

Низкимъ-низко долина видна—
Нужно бы тамъ заводъ поставить;
Высокимъ-высоко гора виднѣется—
Эх, палаты (каменныя) слѣдовало бы построить!..

—

Сура́н ту̀ра̀н по̀ртышӧжым
Тӧрэ́ш шара́ш кельшалэ́ш,

Изя́й-дэ̀нэ йенга́жӧм
Эх, тӧрэ̀ш шинда̀ш кельшалэ̀ш!

Обшитый (по краямъ) кожей войлокъ
Впереди (палатъ) постлать слѣдовало бы,
Старшаго брата со снохой
Эх, впереди посадить нужно бы!..

Утомленный пѣніемъ и пляской, *вурге́м чи́шӗ* останавливается среди комнаты и, обращаясь къ дѣтямъ покойнаго, произноситъ

нравоученіе, въ которое обязательно вставляетъ хотя часть предсмертнаго словеснаго завѣщанія недавноумершаго.

„О́жнŏ чыла́ шкѐ шуктэ̀м ы́ли: чиктена́т, пукшена́т... Ы̆ндэ̀ ачада́ весь ва́тăм нале́шкын, шкеабада́м огы̆да́ му́дыр... Са̀йн илыза́: кугурактэ̀чĕн, кугуракла́н пыштэ̀н, вожылза̀; изирактэ̀чĕн, изиракла̀н пыштэн, лудса̀. Укэ̀-ма́нын, йы̀нгын по̀гыжŏм ида́ лога́л... йы́нгын мо́жŏ укэ̀?.. Абада́м ида́ мо̀ндŏ, са́йн илыза́: киндэ̀шда перьке́ лѝжĕ, су̀ртда поя́н ли́жĕ, во̀ликда шу́кŏ лѝжĕ... Чебэ̀р кодса̀! [Прежде я все успѣвала будто (сдѣлать): чтобы одѣть, чтобы накормить... Теперь, когда отецъ-то вашъ другую жену возьметъ, родную мать (въ ней) не найдете... Какъ слѣдуетъ живите: предъ старшимъ, почитая его за старшаго,—будьте почтительны; младшаго, почитая его за младшаго,—бойтесь!.. Нѣтъ, говоря, (чужого) человѣческаго имѣнья не трогайте.. человѣческое мало-ли что есть?.. Матери вашей не забывайте добрымъ порядкомъ живите... Въ хлѣбѣ у васъ да будетъ изобиліе, домъ вашъ да будетъ богатъ, скота пусть будетъ у васъ много... Счастливо оставайтесь (прощайте)!]“ [1]).

Изъ этого наставленія легко заключить, что черемисы вполнѣ вѣрятъ въ родственное участіе отшедшихъ въ иной міръ душъ къ остающимся въ живыхъ. Связь эта поддерживается періодически повторяющимися поминками, вѣрнѣе угощеніями, ради которыхъ черемисы просятъ владыку загробнаго міра „отпустить на волю души старыхъ черемисъ“. Духъ покойника присутствуетъ на этомъ угощеніи и устами *вургéм чи́шĕ* выражаетъ свое довольство. О своей загробной жизни духъ не сообщаетъ ни слова; при всеобщемъ вѣрованіи черемисъ въ загробную жизнь, какъ копію земной жизни, изображающему покойника лицу нѣтъ надобности распространяться на эту тему.

Прямо довольства своего духъ почившаго не выражаетъ: если угощеніе, предложенное ему, недостаточно, онъ самъ явится въ сновидѣніи, будетъ мучить скотину и т. д. Самое большее, на что̀ рѣшится указать *вургéм чи́шĕ*, это то, что покойника родные забываютъ, что ему скучно въ загробномъ мірѣ. Вообще же въ день поминокъ всегда есть основаніе представить

[1]) Этотъ текстъ отчасти приведенъ въ первой главѣ; теперь я намѣренно даю дословный переводъ текста, чтобы познакомить со строемъ черемисской рѣчи.

въ лицѣ *вургéм чúшĕ* покойника вполнѣ удовлетвореннымъ, стало быть—веселымъ. Ближайшее будущее оправдаетъ или опровергнетъ такую догадку, а пока, въ самый моментъ угощенія духа, черемисы не сомнѣваются въ этомъ.

Пляска покойника обыкновенно бываетъ уже около полуночи. Послѣ нея сосѣди расходятся по домамъ, а пріѣзжіе родственники остаются и бодрствуютъ, по возможности—всю ночь, вмѣстѣ съ хозяевами. Для всѣхъ другихъ дремота или кратковременный сонъ еще такъ или иначе простителенъ, но отъ *вургéм чúшĕ* неуклонно требуется полное воздержаніе отъ сна до солнечнаго восхода. Требованіе это строго соблюдается потому, что приглашенныя на угощеніе души покойниковъ остаются въ избѣ во всю ночь, до утренней зари, и могутъ покарать за непочтительное отношеніе къ себѣ.

Оставаться безъ сна въ избѣ всю ночь невыносимо трудно, особенно зимой, когда воздухъ наполненъ чадомъ горящихъ восковыхъ свѣчей и тяжелыми испареніями отъ многочисленной публики. Послѣ посѣщенія поминокъ я бывалъ обыкновенно боленъ дня по три, чувствуя совершенную разбитость.

Лишь только востокъ окрасится въ пурпурный цвѣтъ, предвѣщая близкій восходъ солнца, запрягаютъ нѣсколько лошадей, чтобы проводить покойника на кладбище. Это называется *кóлышóм ужалтáш* = „умершаго провожать“. Верхомъ, въ тарантасахъ и телѣгахъ (или въ саняхъ и кошевкахъ, если дѣло зимой) выѣзжаютъ со двора всѣ взрослые члены семейства, ближайшіе родственники, *сортá пуздышĕ*, *вургéм чúшĕ* и пузырщикъ. Особенно торжественно (съ колокольцами, на парѣ или на тройкѣ, въ наборной сбруѣ) провожаютъ душу жениха или невѣсты.

Пòлка или полѣно съ огарками свѣчей, лукошко съ частицами всякихъ кушаній и буракъ съ пивомъ выносятся на дворъ; при этомъ, чтобы выманить душъ изъ избы, все время понемногу плещутъ пиво и кидаютъ кусочки блиновъ. Лукошко бросаютъ на дворѣ, вываливъ содержимое собакѣ, которая непремѣнно есть въ каждомъ домѣ; пиво старательно выпиваютъ, оставляя самую малость (потому что черемисы вѣрятъ, будто поминальное пиво испѣляетъ зубную болѣзнь), а полку съ огарками увозятъ съ собой. Здѣсь мы наталкиваемся на вопіющее противорѣчіе; съ одной стороны—черемисы вѣрятъ, что оскверняется рѣшительно

все, къ чему ни прикоснется духъ умершаго; съ другой—часть предложеннаго душамъ угощенія имѣетъ чудодѣйственное свойство. Очевидно, дѣдовскіе обычаи падаютъ, и старыя вѣрованія исподоволь рушатся; нарушаетъ эти вѣрованія всего чаще молодежь (какъ ниже увидимъ), охотно подмѣчающая забавныя стороны обрядовъ своихъ соплеменниковъ.

Всѣ путешественники и этнографы, пишущіе о черемисахъ, единогласно утверждаютъ, что если собаки, угощаясь остатками трапезы, раздерутся, то это хорошій знакъ; если же ѣдятъ мирно, значитъ дѣло плохо. Первый упомянулъ объ участіи собакъ въ поминкахъ *Рычковъ* въ своемъ „Журналѣ“ (Спб. 1770. Часть I, стр. 92), а послѣдующіе авторы просто списывали у него, такъ какъ увидать черемисскія поминки хотя и крайне нетрудно, но не у всякаго хватитъ терпѣнья просидѣть цѣлую ночь въ роли наблюдателя. Во всей литературѣ о черемисахъ можно указать только двухъ авторовъ—природныхъ черемисъ: *Молярова* и *Яковлева* да еще бывшаго директора народн. учил. въ Казанской губ. *И. А. Износкова,* которые сами видали поминки у черемисъ. Всѣ остальные писали по слухамъ или со словъ Рычкова.

Дѣло въ томъ, что все, къ чему духъ покойника прикоснется, безусловно оскверняется; стало быть, кидать собакамъ содержимое лукошка являлось необходимостью. Но такъ какъ не въ каждомъ дворѣ найдется больше одной собаки, то ей, казалось бы, не съ кѣмъ ссориться; въ дни общихъ поминокъ, когда собакъ угощаютъ еще усерднѣе, дракъ между ними должно бы быть еще меньше. На эти два соображенія обыкновенно указываютъ болѣе интеллигентные черемисы, попавшіе въ учителя, священники и т. д. Имъ стыдно сознаться, что у единоплеменниковъ ихъ собака играетъ столь же важную роль въ поминкахъ, какую, напр., у русскихъ раздача милостыни нищимъ на поминъ души покойника. Тѣмъ не менѣе, во многихъ черемисскихъ мѣстностяхъ эта собачья драка имѣетъ значеніе какого-то гаданья относительно того, довольны ли покойники угощеніемъ.

Первоначально я самъ былъ противнаго мнѣнія, считая участіе собакъ на поминкахъ чисто случайнымъ, но въ 1883—84 годахъ имѣлъ возможность лично убѣдиться, что такое повѣрье существуетъ у луговыхъ черемисъ повсемѣстно.

Вопросъ объ участіи собакъ въ поминкахъ всегда крайне не-

пріятенъ черемисамъ, потому что имъ приходится очень много выслушивать по этому поводу насмѣшекъ отъ русскихъ. Черемисы даютъ всегда въ этомъ случаѣ уклончивый отвѣтъ, и этнографу необходимо подсмотрѣть самому эту любопытную деталь. Обыкновенно черемисскіе дворы огорожены не заборомъ, а пряслами; сосѣдскія собаки, почуявъ угощенье въ очередномъ домѣ въ день общихъ поминокъ, безпрепятственно пролѣзаютъ во дворъ и заводятъ свалку съ хозяйскими псами. Глядя на эту собачью баталію, черемисы покрякиваютъ отъ удовольствія и приговариваютъ: „ой, йора̀“! (ой, славно!) или „пеш сай“! (очень хорошо!). Такимъ образомъ, важная роль собакъ въ культѣ умершихъ не подлежитъ сомнѣнію, и сущность ея нетрудно себѣ выяснить. Роль эта становится понятна, если мы припомнимъ, что при вступленіи въ загробный міръ черемисинъ долженъ встрѣтить острозубыхъ адскихъ собакъ, отъ которыхъ ему придется обороняться липовой палкой или прутьями рябины. Чѣмъ сильнѣе, стало быть, раздерутся собаки, набросившись на остатки поминальной трапезы, тѣмъ выгоднѣе для покойника: земныя собаки, въ представленіи черемисина, очевидно тѣсно связаны съ собаками загробнаго міра, и чѣмъ больше будутъ довольны угощеніемъ, чѣмъ сильнѣе передерутся земныя собаки, тѣмъ легче будетъ покойнику проскользнуть мимо собакъ загробнаго міра.

Отъѣхавъ съ полверсты отъ деревни за околицу, всегда на западъ, провожающіе покойника останавливаются, кидаютъ налѣво отъ дороги полку или полѣно съ огарками свѣчъ и распиваютъ штофъ водки, а то и больше, по нѣскольку капель отливая на землю въ честь недавноумершаго. Если кладбище близко, эта церемонія совершается на могилѣ. Первый берется за стаканъ водки *вурі̀ем чи́шĕ*, дѣлаетъ возліяніе и, прежде чѣмъ выпить, говоритъ:

„Чебэр ка́йы, Епсинка̀н ва́тă, бурсэ̀н ит кайы!.. Ала̀ ки́ндэ— шинча̀л шыш шу, ала̀ мо́лŏ икта̀ж мо кумӯле́т се́мын шыш лигына̀т, бурсэ̀н ит ка́йы!. Сай ко́чкын-йюн, мурэ̀н, йыбыртэ̀н кайы!.. [Смирно уходи, Евсѣева жена, бранясь (съ бранью) не уходи!.. можетъ быть хлѣба-соли не достало, можетъ другого чего по желанію твоему не было... въ сердцахъ не уходи! Хорошо поѣвъ да попивъ, съ пѣснями и весельемъ уходи!]“.

И всѣ производятъ возліяніе съ этими словами, опоражнивая

затѣмъ стаканы. *Вургéм чи́ше* быстро снимаетъ платье покойника, всѣ проворно усаживаются и, торопливо крикнувъ: „бурсэ̀н ит ка́йы, Епсинка̀н ва́тӑ, йыбыртэ̀н ка́йы“, что̀ есть духу, безъ оглядки, гонятъ домой... Бѣгство это теперь требуется только обычаемъ, но прежде, безъ сомнѣнія, служило выраженіемъ сильнаго, неподдѣльнаго страха предъ покойникомъ.

По возвращеніи участниковъ поминокъ домой, ничего особеннаго уже не совершается. *Шы́мыт* этимъ и оканчивается.

За праздникомъ седьмого дня слѣдуетъ *ны́ллы* (въ Царевококшайскомъ уѣздѣ *ныллу*)—праздникъ сорокового дня, столь же обязательный, какъ и первый, но болѣе торжественный. Сосѣдей и родни на этотъ послѣдній праздникъ набирается еще больше, потому что *ны́ллы* является у большинства черемисъ послѣднимъ праздникомъ, устраиваемымъ спеціально въ честь недавно умершаго. Если почему-либо, особенно въ горячую рабочую пору, въ седьмой день не было *вургéм чи́ше*, то въ сороковой день онъ долженъ быть непремѣнно, чтобы завѣщаніе покойника исполнилось въ точности.

Обрядъ угощенія покойника въ сороковой день мало чѣмъ отличается отъ угощенія въ седьмой день; но приготовленія къ этому дню болѣе обширны, а у черемисъ богатыхъ—прямо грандіозны, въ виду предстоящаго большого наплыва гостей. Въ молитвахъ, кромѣ замѣны слова *шы̀мыт* словомъ *ныллѐт* („твой сороковой день“), существенной разницы нѣтъ. Приглашеніе родныхъ и самаго покойника на поминки совершается по тому же способу, что и въ седьмой день. Только въ Красноуфимскомъ уѣздѣ (по несовсѣмъ вѣроятному сообщенію *Городскаго* и съ его словъ—*Мозеля*) покойника приглашаетъ не одинъ домохозяинъ, а толпа гостей, которая трижды обходитъ съ приплясываніемъ вокругъ могилы и говоритъ: „*Ныллѐт шун: кинѧ̀л*! (Твой сороковой день пришелъ: вставай!“). Сообщеніе это уже потому кажется неправдоподобнымъ, что, пока покойникъ не получилъ угощенія, нѣтъ ни малѣйшаго повода для пляски. Богатые красноуфимскіе (а встарину дѣлали такъ и малмыжскіе) черемисы для приглашенія отправляютъ одного изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго, верхомъ на лошади; произнеся формулу приглашенія, онъ обскакиваетъ трижды могилу и во весь духъ возвращается домой. Появляясь во дворѣ, всадникъ кричитъ, что

покойникъ идетъ; кто-нибудь изъ толпы подбѣгаетъ въ это время къ взмыленной лошади и закалываетъ ее, при помощи присутствующихъ. Мясо этой лошади, сваренное на дворѣ въ котлахъ, служитъ потомъ для поминовенія покойника и угощенія многочисленныхъ гостей. У остальныхъ черемисъ рѣжутъ для этой цѣли, смотря по средствамъ, теленка, барана или овцу и непремѣнно курицу. Точно также заготовляется запасъ водки, кумышки и пива, пуки восковыхъ свѣчей. Въ сороковой день соблюдается вообще большая торжественность въ поминальномъ обрядѣ.

Ко времени прибытія съ кладбища лица, приглашавшаго покойника, *вургéм чúшӹ* потихоньку переодѣвается въ платье недавноумершаго и появляется въ сѣняхъ. Старшій домохозяинъ привѣтливо, съ поклонами встрѣчаетъ его:

„Ныллы пайраметлàн тол, пéртышкӧ пýрӧ! (Иди-ка на твой праздникъ сорокового дня, ступай въ избу!)“.

Вдова радостно бросается къ появившемуся съ того свѣта мужу и говоритъ ему задушевно, нѣжнымъ голосомъ, величая его почетнымъ именемъ дѣдушки (*куачà*):

„Ой, Пипàн куачà! пайрамышкѐт толнàт улáт... Тол, пожалста тол, пéртышкӧ пýрӧ мемнáн-дэ́нӗ пырля́ йюàш!.. Сай кӧчкын—йюн, умалэ́нда эр-дэ̀ны кай! [Ой, дѣдушка Епифанъ! Ты ужъ пришелъ на праздникъ-то твой... Иди, пожалуйста иди, ступай въ избу съ нами вмѣстѣ пировать... Хорошо поѣвъ—попивъ да выспавшись, на зарѣ (утромъ) уходи!]“.

Если *вургéм чúшӹ* человѣкъ опытный, онъ старается разыграть цѣлую комедію: всѣ упрашиваютъ его, а онъ ломается, не входитъ. Тогда выносятъ пива и вина и усердно его угощаютъ. Наконецъ *вургéм чúшӹ* сдается; тотчасъ вносится въ избу подушка и кладется близъ двери, за столомъ, на которомъ разставлены поминальныя яства; гостя берутъ подъ руки и усаживаютъ, а *сортà пуэ́дышӹ*, быстро зажигая четыре свѣчи (три въ честь владыкъ загробнаго міра, одну въ честь гостя), говоритъ при этомъ:

„Пипàн кугузà! Тэбэ̀ ындэ́ ныллы пайраме́тӧм ыштэна̀: тол ындэ́ тышкӧ, тыдӧ кýпчык умбалàн шыч, унà ли; тыдӧ пайрàм тăланэ̀т шýжӧ! (Дядюшка Епифанъ! Вотъ мы устраиваемъ для тебя праздникъ сорокового дня: поди же вотъ сюда, садись на эту подушку, гостемъ будь; праздникъ этотъ пусть дойдетъ до тебя!)“

Во всѣхъ молитвахъ, обращенныхъ теперь къ покойнику,

слышится тоже самое содержаніе, что и въ читаемыхъ въ седьмой день. Болѣе толковые изъ среды родныхъ и знакомыхъ по собственному усердію дѣлаютъ молитвенныя обращенія къ покойнику, совершая, подобно сортà пуэ́дышу, возліяніе и отламывая кусочки разныхъ яствъ. Вотъ изъ толпы выходитъ дряхлый—предряхлый старикъ, сосѣдъ и закадычный другъ юности покойнаго: онъ принесъ для него вареную курицу и бутылку водки. Дрожащими руками ставитъ онъ свѣчку, дѣлаетъ покойнику возліяніе, кладетъ кусокъ курятины и говоритъ съ чувствомъ: „Пипàн кукузà! Тэбэ̀ пошкудэ̀т, тангѐт Ондрѐй, тыйм жаплэ̀н, тыйм йоратэ̀н, си-кòчкышòм кондэ̀н... Тыдò си-кòчкыш тàланэ̀т шужò!.. Суàплык лижѐ тàланэ̀т, мàмырлыкыштò ылѐ!.. (Дядюшка Епифанъ! Вотъ сосѣдъ твой, пріятель твой Андрей, горюя по тебѣ и любя тебя, угощенье—кушанье принесъ... Это угощенье—кушанье пусть дойдетъ до тебя! Блаженство да будетъ тебѣ, въ полномъ удовольствіи живи!..)“

Во время угощенія покойника играетъ музыка (пузырь, гармонія, балалайка или гусли; послѣднія лишь въ Уржумскомъ и Царевококшайскомъ уѣздахъ).

Изъ неоднократныхъ наблюденій ныллы въ разныхъ уѣздахъ Вятской, Казанской, Пермской и отчасти Уфимской губерніи я вынесъ то заключеніе, что обращеніе съ представителемъ покойника (*вургѐм чи́шѐ*) отличается въ сороковой день бòльшимъ вниманіемъ и предупредительностью: его сажаютъ на первое мѣсто, зовутъ именемъ покойника; вдова величаетъ покойника почетнымъ именемъ дѣдушки (*куачà*), вдовецъ—свою покойную жену—*кубà* (бабушка), а осиротѣвшія дѣти—отцомъ или матерью. Такое отношеніе къ лицу покойника вполнѣ понятно, если *вургѐм чи́шѐ* фигурируетъ только въ сороковой день; но дѣло обыкновенно нѣсколько упрощается, если въ седьмой день лицо покойника уже представлялось. Какъ особенность, свойственную лишь нѣкоторымъ мѣстностямъ Уржумскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ, можно отмѣтить обращаемое къ представителю покойника приглашеніе пѣть и плясать.

„Пипа́н кугузà! Ындэ̀ ныллы пайрамэ̀т шун: ныллы пайрамыштэ̀т первòй шке мýрòм мура, шке куштò! (Дядюшка Епифанъ! Теперь наступилъ сороковой день твоего праздника; на твоемъ праздникѣ сорокового дня самъ пѣсню спой, самъ попляши!)“.

За пляской *вургѣм чи'шӹ* пускаются въ плясъ и всѣ остальные, подъ нестройные звуки черемисской музыки. Вперемежку съ ѣдой и питьемъ, пляска тянется до утренняго разсвѣта. *Вургѣм чи́шӹ* и теперь, какъ и въ седьмой день, даетъ наставленіе осиротѣвшей семьѣ. Съ пѣснями и музыкой домохозяинъ и ближайшіе родственники выносятъ на разсвѣтѣ поминальную чашку или лукошко, буракъ съ пивомъ и бутылку кумышки на дворъ, изображая цѣлую процессію; музыканты шествуютъ позади, а *вургѣм чи́шӹ* по срединѣ.

Въ западной части двора, у забора или у стѣны надворной постройки, выливаютъ содержимое чашки, плещутъ нѣсколько разъ пива и водки туда же, и допиваютъ сами остатки. Буракъ и чашка, равно и лукошко, если они старые, съ какими-нибудь изъянами, теперь ломаются на куски, поступая такимъ образомъ въ полное распоряженіе покойника, а хорошая поминальная посуда обыкновенно оставляется на три дня на дворѣ, чтобы она могла очиститься провѣтриваніемъ.

Проводы покойника совершаются и теперь въ обычномъ порядкѣ, съ тою лишь разницею, что, если кладбище близко, стараются раздѣть *вургѣм чи́шӹ* на самой могилѣ, на которую его для этой цѣли и усаживаютъ.

Осквернённые прикосновеніемъ покойника предметы (платье, экипажъ) оставляются на три дня на открытомъ воздухѣ, а сами участники моются въ банѣ и мѣняютъ бѣлье. Осколки разбитой поминальной посуды валяются нѣкоторое время на дворѣ, а потомъ выбрасываются въ оврагъ.

Два большіе праздника въ честь покойниковъ всюду обязательны. Кромѣ нихъ бываютъ еще поминки, вѣрнѣе—праздники въ честь всѣхъ умершихъ черемисъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ.

Если покойникъ во снѣ требуетъ новаго угощенія, требованіе это исполняется немедленно. Собственное усердіе живыхъ родственниковъ допускаетъ поминки въ честь усопшаго не только по истеченіи года, но и спорадически, чрезъ разные промежутки, если покойникъ былъ особенно симпатичный человѣкъ. Въ этихъ видахъ платье его сохраняется для поминокъ очень долгое время.

Крѣпко придерживающіеся старой вѣры черемисы (а ихъ большинство), особенно же язычники, не упускаютъ случая удѣ-

лить душамъ покойниковъ кусокъ всякаго кушанья, бросая его во время обѣда подъ столъ и отливая нѣсколько капель того или другого напитка каждый день, чтобы проголодавшіяся души могли въ любое время насытиться. Для этой цѣли въ избѣ около печи постоянно подвѣшивается или ставится бурачекъ, а то просто берестяный коробокъ, куда и кладется угощеніе для голодныхъ душъ, напр. каша, яичница. Мухи и тараканы постепенно уничтожаютъ этотъ запасъ, а кошки часто съѣдаютъ сразу и тѣмъ поддерживаютъ въ черемисахъ вѣру въ посѣщеніе покойниками этого бурачка.

Глава IV.

Общія родовыя поминки: а) сортà чўктыш и в) се́мык.

Праздники въ честь всѣхъ родовыхъ покойниковъ—ко́лышŏ пайрàм. А) *Сорта чўктыш,* или просто *сортà ке́чĕ*. Совпаденіе поминокъ съ праздникомъ весенняго полнолунія. *Куге́чĕ* не есть Пасха. Огранизація поминальныхъ праздниковъ: пирожныя артели. Остатки родового быта у черемисъ. Въ чемъ сказывается родовой бытъ? Кровное (агнатическое) родство: 1) *ту́кум*, 2) *шо́чшŏ*, 3) *на́сыл* и *ро́дŏ*, 4) *му́ндӱр ро́дŏ*, 5) *йо́мшŏ ро́дŏ*. Когнатическое родство (по матери): а) *ли́шыл родŏ*, b) *тӱп ро́дŏ* и с) *шӱмбѐл ро́дŏ*. Предки, стоящіе за предѣлами родственныхъ связей: 1) *ве́ктымŏ-ку́ктымŏ* и 2) *уты́м*. Общій родоначальникъ—*вуй шо̀чшŏ*. Точное опредѣленіе этихъ терминовъ. Связь родового быта съ разселеніемъ черемисъ: починокъ *(солà)*, улица *(урэ̀м)* и переулокъ *(урэ̀м пусàк)*, конецъ *(мучàш)* и деревня *(ял)*. *Урмàт*—родовой союзъ. Помѣстное владѣніе у черемисъ въ татарскую эпоху. День щелока *(кон ке́чĕ)*. Приготовленія къ поминкамъ. Суевѣрія страстной недѣли; ничегонедѣланіе и поголовный постъ для людей и скота. Среда—„день крови". Преданія относительно этого дня у вотяковъ. Память о кровопролитной битвѣ между черемисами и вотяками. *Пор кулòн уй*—день смерти черемисъ. Какъ вотяки обороняются отъ мстительныхъ черемисскихъ душъ? Чудодѣйственный напитокъ вотяковъ. Поминальный столъ; лопата со снѣгомъ или дерномъ и чаша. *Сортà пуэ̀дышĕ*—старый знакомый. Ритуалъ поминокъ. Поминовеніе кровныхъ родныхъ отдѣльно отъ родственниковъ жены. Проводы покойника. Угощеніе собакъ. Заключительная молитва. Наставленія и благопожеланія отъ имени покойниковъ. Обычная при этомъ выходка молодежи. Появленіе запоздалыхъ гостей. Заупокойный пиръ и пляска. В) *Се́мык*. Половая распущенность въ это время. Чѣмъ объясняется половая свобода у черемисъ? Это—не развратъ съ обычной точки зрѣнія, а пережитокъ глубокой старины. Согласно кодексу черемисской морали, половое воздержаніе—не добродѣтель, половая распущенность—не грѣхъ. Какъ считаются черемисы съ послѣдствіями половой свободы? Способы сближенія молодежи:

вечерники, посидѣлки, прогулки, игры. Какъ вліяетъ на подростковъ поведеніе старшихъ? Ухаживаніе парней за дѣвушками. Плачевные результаты половыхъ злоупотребленій: болѣзни и вырожденіе. Половая свобода черемисъ—совсѣмъ не коммунальный и не групповой бракъ, а грубая распущенность. Поведеніе вдовъ и солдатокъ. Сожительство мужа съ сестрами жены. Снохачество. Русскіе парни на черемисскихъ гулянкахъ. Чѣмъ бы можно исправить темныя стороны черемисскихъ нравовъ?

До сихъ поръ говорили мы о культѣ умершаго въ отдѣльной семьѣ, понесшей утрату въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ. Перейдемъ теперь къ общимъ поминкамъ—*ко́лышӥ пайра̀м*, т.-е. такимъ „праздникамъ въ честь умершихъ“, которые цѣлымъ черемисскимъ родомъ совершаются въ честь всѣхъ вообще родныхъ по крови покойниковъ.

Изъ всего того, что мы говорили выше по поводу культа мертвыхъ у черемисъ, вытекаетъ тотъ прямой выводъ, что почитаніе душъ усопшихъ если и не составляетъ основы религіи черемисъ, то въ значительной мѣрѣ упрощаетъ пониманіе своеобразной морали черемисъ, объясняетъ ея происхожденіе. Почитаніе душъ умершихъ черемисы ставятъ на первомъ планѣ въ ряду другихъ своихъ религіозныхъ обязанностей. Умершій, по ихъ вѣрованіямъ, долгое время не прерываетъ связи съ живыми, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока его имя не забудется совершенно на землѣ. Все это время покойникъ постоянно вспоминается родными, духъ покойнаго при всякомъ удобномъ случаѣ получаетъ приношенія, выражая за это свое благоволеніе пріумноженіемъ благосостоянія остающейся на землѣ семьи. Издревле заведеннымъ порядкомъ всѣмъ вообще усопшимъ дважды въ годъ предлагается общее угощеніе: a) въ среду на страстной недѣлѣ и b) въ семикъ. Первый праздникъ въ честь усопшихъ называется *сорта̀ чӱ́ктыш* = „зажиганіе (восковой) свѣчи“, или просто *сорта̀ ке́чӗ* = „день свѣчи“; второй—*се́мык* („семикъ“, т.-е. день св. Троицы).

Конецъ перваго праздника почти совпадаетъ съ христіанскою Пасхой, почему многіе (особенно духовенство) принимаютъ весенній праздникъ въ честь усопшихъ за черемисскую Пасху, соблазняясь тѣмъ разгуломъ, который позволяетъ себѣ въ это время молодежь. Но это—ошибка. Дѣло въ томъ, что съ праздникомъ въ честь усопшихъ у черемисъ совпадаетъ астрономическій праздникъ весенняго полнолунія. Этотъ знаменательный для всей

природы день черемисы называютъ *кугéчĕ* (т.-е. *кугу̀ кéчĕ* = „великій день“). Съ этого дня, по вѣрованіямъ черемисъ, души усопшихъ получаютъ наибо́льшую охоту учащать свои посѣщенія къ живымъ, такъ какъ имѣютъ больше возможности выбраться изъ могилы, благодаря тому, что земля оттаиваетъ; сами владыки загробнаго міра охотнѣе даютъ теперь душамъ отпускъ для побывки на землѣ. Съ этого времени и вплоть до самаго семика особенною страстью къ разгуливанію по землѣ отличаются души тѣхъ, кто при жизни больше другихъ вредилъ людямъ, именно колдуны (*ло́ктызĕ*), зловредные люди (*тушма̀н*) и міроѣды (*кошта̀н*).

Се́мык, второй праздникъ въ честь усопшихъ, начинается со среды предъ нашей Троицей и тянется до субботы, часто захватывая и русскую Троицу.

Въ силу чисто экономическихъ соображеній, общіе праздники въ честь умершихъ черемисы совершаютъ въ складчину. Каждая деревня для этой цѣли дѣлится на участки, носящіе названіе *ко́голй бурта̀к*, т.-е. „пирожная артель“, иначе *урма̀т*, т.-е. совокупность извѣстнаго числа семействъ (*йеш*); связанныхъ кровнымъ родствомъ, участвующихъ за однимъ поминальнымъ столомъ, и вкушающихъ отъ одного общаго поминальнаго пирога. Дѣленіе на такіе участки создалось не случайно, а вслѣдствіе того, что первоначально каждый родъ (*ни́сыл*), т.-е. совокупность семей, связанныхъ узами кровнаго родства по отцу, поминалъ своихъ покойниковъ отдѣльно отъ другого рода.

Единственный представитель какого-нибудь вымершаго рода, чувствуя приближеніе смерти, завѣщаетъ все имущество свое тому, кто былъ съ нимъ въ лучшихъ отношеніяхъ, прося не лишать его душу поминовенія, т.-е. въ извѣстные сроки предлагать душѣ его угощеніе. Такъ дѣлаютъ безродные изъ некрещеныхъ черемисъ, разумѣется—изъ боязни перейти по смерти въ разрядъ *ве́ктымӧ-ку́ктымӧ* или *утым*.

Теперь родовой строй у черемисъ почти вездѣ, за исключеніемъ самыхъ глухихъ мѣстностей, распадается, но по традиціи играетъ еще роль какъ въ этомъ случаѣ, такъ въ организаціи большихъ моленій въ честь добрыхъ боговъ и особенно въ общинныхъ порядкахъ, хотя молодое поколѣніе довольно уже плохо разбирается въ родствѣ по отцу и матери.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы дать понятіе о черемисскомъ родѣ. Если вы пожелаете узнать отъ черемисина длинный рядъ его предковъ по восходящей линіи до самаго отдаленнаго, который только сохранился въ его памяти, то онъ часто можетъ перечислить по именамъ своихъ предковъ до прадѣда, даже иногда до прапрадѣда; онъ часто знаетъ имя своего родоначальника (*вуй шо́чшӧ*), жившаго три-четыре вѣка назадъ, но онъ не въ состояніи вплоть до него перечислить всѣ поколѣнія своихъ предковъ. Такой восходящій рядъ поколѣній носитъ названіе *ту́кум*, т. е. „родословіе“; получается, такимъ образомъ, рядъ брачныхъ паръ, безъ упоминанія другихъ членовъ семьи каждой пары. Стало быть, слово *ту́кум* служитъ единственно для обозначенія генераціи поколѣній въ восходящемъ порядкѣ. Но если вы обратите вниманіе черемисина на совокупность всей его родни со стороны отца и матери, какъ она является въ данную минуту передъ его глазами, то услышите отъ него нѣсколько терминовъ, одинаково означающихъ кровное (агнатическое) родство по отцу и когнатическое—по матери. Для обозначенія отцовскаго рода употребительны термины: a) *шо́чшӧ*; b) *на́сыл*; c) *ро́дӧ*; d) *му́ндӱр ро́дӧ*; и d) *йо́мшӧ ро́дӧ*. Для обозначенія родства со стороны матери употребляются термины: *ли́шыл ро́дӧ* („близкое родство“), *тӱ́н ро́дӧ* („коренное [собственно—хребетное] родство“) и *шӱ́мбӓ́л ро́дӧ* („по сердцу родство“).

При такомъ обиліи терминовъ, представленіе черемисъ о родствѣ совсѣмъ не кажется необычайно труднымъ для пониманія посторонняго, какъ это думаетъ г. Ерусланов; мы увидимъ это изъ анализа самыхъ терминовъ родства.

Словомъ *шо́чшӧ* (рожденный) обозначается всякій ребенокъ у брачной пары; отличается только у черемисъ: a) *ик-ача́лэч шо́чшӧ* „отъ одного отца рожденный“, но онъ разныхъ матерей и b) *ик-абда́лэч шо́чшӧ* „отъ одной матери рожденный“, но отъ разныхъ отцовъ. Данная брачная пара вмѣстѣ съ ея дѣтьми будетъ составлять *шо́чшӧ*=группу изъ старшей и младшей половины, связанную ближайшимъ кровнымъ родствомъ, въ которую войдетъ отецъ и сыновья, мать и дочери. Совокупность этихъ родителей, братьевъ и сестеръ будетъ *ик-шо́чшӧ*, т. е. порожденіе одной пары. Такое *шо́чшӧ* будетъ составлять, съ точки зрѣнія черемисъ, „одно колѣно“ (*йы́жыны*).

Со временемъ, когда у брачной пары появятся внуки и правнуки, совокупность ихъ всѣхъ при жизни старшаго въ родѣ уже получаетъ названіе *на́сыл* или *ро́дӧ*. Строгой разницы между этими двумя терминами невозможно найти: это будутъ только два параллельныхъ названія: одно—чисто черемисское, другое—заимствованное у русскихъ—*родъ*. Члены подобнаго развѣтвленнаго рода, безъ указанія на степень родства каждаго изъ нихъ въ отдѣльности между собою, всѣ въ совокупности называются *ро́дӧ-ша́мыч* (*ро́дӧ-влак*), т. е. „кровные родственники“. Терминъ *ро́дӧ* заимствованъ, несомнѣнно, отъ русскихъ, и повидимому въ отдаленное время, ибо примѣняется только къ кровному агнатическому родству, безъ родства по матери.

Если потомки отдалены отъ своего предка длиннымъ рядомъ поколѣній, далѣе прапрадѣда, то связь ихъ съ живущими выражается терминомъ *му́ндӱр ро́дӧ* = „отдаленное родство по крови“, и между ними уже возможны брачные союзы. Но такъ какъ не всякій черемисинъ разбирается въ этихъ степеняхъ родства, то, въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія, брачные переговоры между подобными родами прекращаются.

Когда родственники не могутъ разобраться въ степеняхъ своего родства, но только знаютъ о немъ по семейнымъ преданіямъ, это будетъ *йо́мшӧ ро́дӧ*=„забытое родство“; оно имѣетъ мѣсто, если родственники по крови разселились далеко одинъ отъ другого и потеряли связь между собой. Не только *йо́мшӧ ро́дӧ*, но даже иногда *му́ндӱр ро́дӧ* трудно выразить въ генеалогической таблицѣ; вотъ почему черемисы оба эти разряда ставятъ вмѣстѣ съ *вӓ́ктымӧ-ку́ктымӧ* или *утым*, т. е. безродными, утратившими родственную, генеалогическую связь съ живыми [1]). Въ этомъ легко убѣдиться изъ читаемыхъ на поминкахъ молитвъ, гдѣ воспоминаніе о восходящихъ родственникахъ по крови далѣе прапрадѣда не поднимается.

Обратимся къ родству по матери. Родство это называется

---

[1]) Что́ значитъ *вӓ́ктымӧ*, я не могъ добиться у черемисъ. *Ку́ктымӧ* происходитъ отъ глагола *кукташ*—„спутывать, смѣшивать“, и обозначаетъ столь отдаленнаго, „запутаннаго“ родственника, съ которымъ потомкамъ невозможно разобраться въ степеняхъ родства; такой родственникъ поневолѣ дѣлается какъ бы „лишнимъ“ *(у́тӧ)* въ лѣстницѣ предковъ и получаетъ названіе *у́тымӧ* (причастная форма отъ глагола *уташ*—„быть лишнимъ“).

лӥшыл ро́дӧ, „близкое родство“; но оно же точнѣе обозначается терминомъ *тӱп ро́дӧ* „коренное, хребетное родство“, или *шӱмбѣл ро́дӧ* т. е. „близкое къ сердцу родство“. Это родство у черемисъ никогда далѣе отца по матери не идетъ и не считается; родственное отношеніе ограничивается лишь отцомъ матери, ея матерью, братьями и невѣстками, сестрами съ зятьями, а дальше совершенно теряется; да и это родство чаще различаютъ только старики, а не молодежь. При родовыхъ поминкахъ зять никогда не поминаетъ своего тестя и тещу, какъ чужихъ по крови: это дѣлаетъ его жена, поминающая какъ ихъ, такъ и своихъ умершихъ братьевъ и сестеръ.

Если прослѣдить исторію разселенія черемисскаго племени за послѣдніе 80—100 лѣтъ, то окажется, что починки (*сола̀*) первоначально исключительно заселялись нѣсколькими семействами, связанными между собою узами родства, единствомъ происхожденія по отцу. Присоединялись къ нимъ новые роды и селились рядомъ, особой группой. Располагаясь вкривь и вкось, неправильными улицами, эти роды составляли особыя улицы (*урэ̀м*), переулки (*урэ̀м пусо̀к*) и концы (*мучо̀ш*); такихъ концовъ въ каждой деревушкѣ (*ял*) найдется обыкновенно нѣсколько. Эти же деревенскіе концы (*ял-мучо̀ш* или *урма̀т*, т. е. совокупность улицъ и закоулковъ, заселенныхъ развѣтвленіями одного обширнаго рода) играютъ важную роль въ общинномъ землевладѣніи, образуя собою особые пай, на которые выдѣляется извѣстное количество земли, разбиваемое потомъ по душамъ. Въ пору владычества татаръ, выслужившіеся чѣмъ-нибудь черемисы получали во владѣніе земельные участки (по-татарски *билӓ̀к*), на которыхъ и селились со своимъ родомъ. Единственное воспоминаніе объ этихъ участкахъ сохранилось среди уржумскихъ черемисъ, гдѣ встрѣчаются селенія съ приставкой *беля́к* (напр. *Токта̀й-беля́к*, т. е. „участокъ Токтая“).

Итакъ, черемисская деревня въ день „родительской“, т. е. въ *великую среду* (въ Уржумскомъ и Царевококшайскомъ уѣздахъ) или въ четвергъ (въ другихъ уѣздахъ) совершаетъ поминки по участкамъ. Обыкновенно, главное угощеніе усопшихъ справляется въ одномъ какомъ-нибудь домѣ, за которымъ состоитъ на этотъ разъ очередь. Рано утромъ въ среду, или еще вечеромъ во вторникъ, топится баня, въ которой моются всѣ безъ различія и

мѣняютъ бѣлье. Тамъ, гдѣ омовеніе въ банѣ совершается во вторникъ, день этотъ называется *кон-кéчé*—„день щелока“, потому что черемисы, рѣдко и мало употребляя мыло, моются въ банѣ преимущественно щелокомъ; въ Малмыжскомъ уѣздѣ подъ видомъ голика или липовой палки парятъ души покойниковъ. Весь вторникъ, вплоть до сумерекъ, идутъ неустанныя хлопоты. Особыхъ кушаній для среды не готовится, но запасается по истинѣ огромное количество варенаго мяса (у некрещеныхъ—лошадинаго), пива, меду и водки; изготовляется большой пирогъ (*кóйöли*), напекается большое количество ватружекъ съ картофелемъ (*перемéч*) масляныхъ (*ӱй*) и сырныхъ колобковъ (*туарà*) и блиновъ. Среднимъ числомъ на каждый домъ падаетъ по теленку (иногда даже по жеребенку) или барану и по полуведру водки; остальное, напр., курицы, въ разсчетъ мало принимается, и зависитъ отъ добровольнаго усердія. Мясо варится въ среду въ сумерки, такъ чтобы пришлось угощать покойниковъ еще теплыми, если не горячими щами; все остальное изъ съѣдобнаго изготовляется заранѣе. Пиво выходитъ изъ печи наканунѣ, а медъ, вѣрнѣе—медовая сыта—варится въ одинъ день съ мясомъ. Варка мяса происходитъ обыкновенно не въ избѣ (*пёрт*), а въ лѣтнемъ помѣщеніи черемисъ—шалашѣ (*кýдö*), гдѣ для этой цѣли разводится большой огонь и подвѣшиваются огромные котлы.

Всякаго рода провизіи стараются заготовить побольше главнымъ образомъ потому, что въ четвергъ и въ пятницу, а особенно въ среду, обычаемъ воспрещается готовить какое-либо кушанье или дѣлать что-либо серьезное. Относительно этихъ дней существуетъ много странныхъ суевѣрій, происхожденіе которыхъ поддается объясненію съ величайшимъ трудомъ. Чѣмъ глуше извѣстная окраина, тѣмъ больше у черемисъ суевѣрій, строго соблюдаемыхъ въ эти дни. Такъ, во вторникъ въ Уржумскомъ, а въ среду въ Малмыжскомъ уѣздѣ черемисы не могутъ брать въ руки сухихъ предметовъ; вплоть до субботы никому не слѣдуетъ ни самому брать, ни передавать что-либо съ рукъ на руки, а можно ставить лишь вблизи; не слѣдуетъ также кормить много скотину, и только въ крайности можно столкнуть ей ногами клокъ сѣна. Въ среду наблюдается поголовно строгій постъ, распространяемый даже на скотъ: ему не даютъ совсѣмъ корму, и это, по мнѣнію черемисъ, охраняетъ его на предстоя-

щее лѣто отъ заразы и звѣря; кромѣ того, постившаяся въ этотъ день скотина будетъ смирна, не станетъ ломать изгороди и отбиваться отъ дома. Въ этотъ день уржумскимъ черемисамъ нельзя брать въ руки палки (иначе лѣтомъ непремѣнно увидишь змѣю, которая укуситъ) или веретена (оно обратится въ змѣю). Въ среду черемисы повсемѣстно избѣгаютъ работать, печей не топятъ, половъ не метутъ...

Среда вообще у черемисъ называется *вирь гéчĕ* (малмыжскій говоръ) или *вӱрь кéчĕ* (въ Уржумскомъ и Царевококшайскомъ уѣздахъ), т.-е. „день крови". Совершенно аналогическое названіе носитъ она у вотяковъ, татаръ и чувашъ. Тотъ и другой праздникъ въ честь усопшихъ,—*сортà чӱ́ктыш* и *сéмык*,—начинаются обыкновенно съ вечера въ среду. Совпаденіе это чрезвычайно любопытно, но несмотря на всѣ наши усилія добиться въ разныхъ мѣстностяхъ отъ самихъ черемисъ и вотяковъ какого-либо опредѣленнаго объясненія этого названія, мы не могли узнать ничего. Только преданія черемисъ да вотяковъ Малмыжскаго и отчасти Глазовскаго уѣздовъ уясняютъ дѣло.

Въ ночь на страстной четвергъ вотяки принимаютъ особыя мѣры противъ душъ черемисъ, нѣкогда, по ихъ преданіямъ, въ этотъ день разбитыхъ ими въ кровопролитномъ сраженіи. Каждый годъ, въ ночь на страстной четвергъ, вотяки (въ Глазовскомъ уѣздѣ, вдоль по рѣкѣ Чепцѣ и близъ города Глазова, а въ Малмыжскомъ—близъ селъ: Мултана, Селтовъ и Зятцовъ) втыкаютъ надъ окнами и дверями, надъ воротными столбами и подъ матицами своихъ избъ вѣтки вереску, чтобы мстительныя души погибшихъ въ бою черемисъ, стремясь проникнуть въ вотское жилище, укололись о вересковыя хвои и удалились, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онѣ жестоко отмстятъ вотякамъ. На случай, чтобы черемисская душа не проникла путемъ хитрости въ избу, вотяки окуриваютъ избу вересковымъ дымомъ, котораго не выносятъ черемисскія души.

Ночь со страстной среды на четвергъ носитъ у вотяковъ названіе *пор кулòн уй*, т.-е. „ночь смерти черемисъ". Мултанскіе и селтинскіе вотяки на эту ночь ставятъ въ печку плотно закупоренный горшокъ, въ который предварительно наливается кумышка, отъ 3 до 5 ложекъ меду, всыпаются вересковыя ягоды и кладется нѣсколько пихтовыхъ вѣтокъ. Странная смѣсь эта

парится въ вольной печкѣ всю ночь. Утромъ, предъ восходомъ солнца, вся семья выпиваетъ по стаканчику этого напитка и вѣритъ, что на весь предстоящій годъ онъ дастъ членамъ семьи силу и здоровье, спасетъ отъ врага.

Такое преданіе, однако, легче счесть пріуроченнымъ къ страстной средѣ, въ силу совпаденія историческаго событія съ этимъ временемъ года, чѣмъ объяснять имъ происхожденіе самаго названія среды—„день крови", потому что тожественное названіе этого дня у черемисъ и чувашъ подъ это объясненіе никоимъ образомъ уже не подойдетъ [1]).

Послѣ бани, когда всѣ приготовленія окончены, посланный изъ очереднаго дома, въ которомъ должно состояться первое уго-

---

[1]) Однако я не могу обойти молчаніемъ этого преданія черемисъ и вотяковъ, потому что оно до сихъ поръ очень живуче. Преданіе это относится къ очень отдаленной порѣ владычества казанскихъ татаръ (вот. *бигѣр*, т.-е. булгаринъ), когда черемисы, усердно помогавшіе, по преданіямъ мултанскихъ и зятцинскихъ вотяковъ, татарамъ, вмѣстѣ съ ними объѣзжали вотскій край для сбора дани мѣхами, медомъ и серебряною монетою. Къ этой порѣ относится начало поступательнаго движенія черемисской колонизаціи въ восточные и юговосточные предѣлы нынѣшней Вятской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что черемисскія поселенія и укрѣпленія существовали въ большомъ количествѣ въ предѣлахъ теперешнихъ Глазовскаго (по рр. Чепцѣ и Лемѣ) и Малмыжскаго уѣздовъ Вятской губерніи. Въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ, въ верховьяхъ рѣки Кильмези, вотяки указываютъ урочище *Пор-бырдэм* („черемисскій плачъ"), гдѣ черемисы были побиты въ кровопролитной схваткѣ. Въ Зятцинскомъ приходѣ, близъ самаго селенія *Куровай* (или *Пудід*) донынѣ существуетъ остатокъ укрѣпленія, въ видѣ вала, который вотяки называютъ *пор-кар*, т.-е. „черемисскій городокъ". Сюда являлись еще недавно вотяки съ кумышкой, сколько для празднованія своей побѣды, столько же и для возліяній въ честь убитыхъ черемисъ.

Въ деревнѣ *Анлѣтъ-Моньэ* и селѣ *Селтахъ* я записалъ когда-то преданіе о послѣдней битвѣ вотяковъ съ черемисами. Враждующія стороны сошлись въ лѣсу, у поляны. Когда черемисы высыпали на открытое мѣсто, вотяки подались въ лѣсъ, и въ то время, какъ передніе изъ нихъ мужественно отражали натискъ враговъ, задніе вотяки окружили полину и навѣсною стрѣльбою изъ луковъ привели черемисъ въ крайнее замѣшательство: сыплющіяся сверху стрѣлы пригвождали обутыя въ лапти ноги черемисъ къ землѣ, или ранили ихъ въ голову, шею и спину. Бросившіеся въ бѣгство черемисы были всѣ перебиты. (Записано со словъ Филиппа Трифонова).

Побѣда эта, еще до смутнаго времени, положила конецъ движенію черемисъ въ вотскій край: она навсегда отрѣзала восточную и юговосточную вѣтвь черемисъ, т.-е. черемисъ красноуфимскихъ, бирскихъ и мензелинскихъ, отъ вѣтви

щеніе покойниковъ, обходитъ по очереди всѣ дома своего участка (*ко́го̆ли бурта̀к* или *урма̀т*). Назначаемый для этой цѣли мальчишка, входя въ избу, обыкновенно выкрикиваетъ скороговоркой:

„Сорта̀м чӱкта̀ш, пура̀м йюа̀ш миза̀, чыла̀н! [Свѣчу зажиґать, пиво пить идите; (да) всѣ!]“

Собираются довольно скоро. Каждаго приходящаго хозяинъ очередной избы сажаетъ за уставленный всякой всячиной столъ. Къ полнымъ сумеркамъ собираются уже всѣ, отъ мала до велика, но первыми идутъ всегда мужчины, потому что женщины задерживаются разными хозяйственными хлопотами. Когда всѣ мужчины въ сборѣ, хозяинъ приноситъ на лопатѣ съ короткой ручкой (*ко́льмо̆*),—обыкновенно уже негодный для иного употребленія,—кусокъ дерну (*каш*) или просто снѣгу (*лум*), смотря по тому, бываетъ страстная среда въ мартѣ или апрѣлѣ. Лопата съ дерномъ или снѣгомъ ставится на лавкѣ, въ ближайшемъ къ дверямъ углу. Рядомъ съ лопатой стелется войлокъ или скатерть, на которой разставляются: пиво и медъ въ ленгежахъ, щи въ большой чашкѣ, селянка на сковородѣ или яичница въ глиняной чашкѣ; кромѣ того, большая заупокойная чаша (съ ручкой—*а́лдыр* или безъ ручки—*ку́мыж*), водка въ одной или двухъ посудинахъ. Тутъ же кладутся тоненькіе березовые пруточки, не длиннѣе обыкновеннаго карандаша, на одномъ концѣ которыхъ укрѣплено по вершковому обрѣзку желтой восковой свѣчки.

Стоящій передъ этой трапезой мертвыхъ стулъ занимаетъ уже знакомый намъ *сорта̀ пуэ̀дышӗ*. Втыкая первую и вторую свѣчку въ дернъ или снѣгъ, *пуэ̀дышӗ* обращается къ владыкѣ умершихъ и его помощникамъ съ приведенной въ предыдущей главѣ молитвой. Послѣ третьей свѣчки къ пуэ̀дышу подходитъ хозяинъ дома и начинаетъ ему подсказывать имена своихъ умершихъ родственниковъ, до прадѣда и дальше, если знаетъ имена; при каждомъ имени *сорта̀ пуэ̀дышӗ* ставитъ новую свѣчку и читаетъ стереотипную молитву:

„Коча̀й, кубаба̀й, кугуза̀й, куба̀й-ша́мыч! тэбэ̀ Йыва́н сорта̀м тэланда̀ пуа̀: во́лгодо̆ ке́чештӗ коштса̀! (Прадѣды, прабабки, дѣ-

---

западной, отрѣзала широкой полосой съ густымъ вотскимъ населеніемъ. Для восточной группы наступила обособленная отъ остальныхъ черемисъ жизнь, и они подпали сильному татарскому вліянію, результатомъ коего явились переходъ въ мусульманство и отатареніе цѣлыхъ черемисскихъ деревень.

душки и бабушки! вотъ Иванъ свѣчку вамъ даетъ: при свѣтломъ солнцѣ ходите!)“

Когда свѣчи поставлены всѣмъ родовымъ покойникамъ, какихъ только припомнитъ хозяинъ дома, а также и безроднымъ (*вéктымӧ-кӥктымӧ* и *утӹм*), пуэдышъ дѣлаетъ въ честь всѣхъ вообще покойниковъ возліяніе водкой и пивомъ. Поливая на лопату сначала водку изъ стакана, а потомъ пиво изъ маленькой чашки, онъ говоритъ:

„Тӧштӧ мари́-шамыч! тэбэ̀ аракамàт, пурамàт йюзà... (Старые черемисы! вотъ водку-то, пиво-то пейте...)“

Затѣмъ беретъ ложку и, поддѣвая ею понемногу всего, что́ есть въ близь стоящихъ посудинахъ, кладетъ на лопату, обращаясь къ умершимъ предкамъ домохозяина.

Тӧштӧ мари́-ша́мыч! Пичке́мыш тунят во́лгодӧ ли́же, суàп ли́жӗ... Шӱрӧмàт, пулашкà-мунӧмàт кочсà, киндэ̀дà—шинчалдà ток ли́жӗ... Шужэ̀н—кылмэ̀н идà кошт. Шӱ́жӧ тэбэ̀ ты́дӧ ко́чкыш тэландà... Таза́лыкӧм, перькѐм, поянлыкӧм пузà! Во́лик-ша́мычӧм, и́мни-ша́мычӧм, ушкàл-ша́мычом, шӧрӧ́к-ша́мычӧм, мӱкш-ша́мычӧм тӱ́ль вуя́нӧм иштызà! Во́лик-ша́мычӧм моломàт идà сӱсырт, посӱ́штосы ки́ндэ̀м сай ыочыктызà, сай мотӧ́р мардэ̀жӧ́м кондызà, тычмàштӧ илы́ш полшызà!.. [Старые черемисы! Темный міръ вашъ да будетъ свѣтелъ, блаженство (вамъ) да будетъ... Щи-то, яичницу-то эту вотъ ѣшьте, хлѣба и соли довольно было-бы!.. Голодными, холодными не уходите! Пусть дойдетъ до васъ вотъ эта пища... Дайте (намъ) счастье, удачу, богатство! Умножьте число головъ нашего скота: лошадей, коровъ, овецъ, пчелъ! Скоту и всему остальному не вредите, хлѣбъ на полѣ хорошо уродите, пошлите хорошій, благопріятный вѣтеръ, въ изобиліи жить помогите!..]“

По примѣру пуэдыша поступаютъ всѣ другіе. Чѣмъ болѣе приверженъ къ язычеству черемисинъ, тѣмъ болѣе просительно его молитвенное обращеніе къ отдаленнымъ предкамъ; послѣдніе зачастую трактуются, какъ ближайшіе боги-покровители. Но любопытно, что присутствуя на поминкахъ у жреца верховнаго бога, я не слыхалъ, чтобы онъ приписывалъ своимъ предкамъ божескія функціи: молитва жреца ставила власть предковъ въ очень узкія рамки чисто домашнихъ обстоятельствъ и не заставляла ихъ повелѣвать стихіями...

Хозяйка приноситъ въ это время два-три блина, ломоть хлѣба, ломаетъ ихъ на кусочки и обращается къ своимъ роднымъ по крови:

„Макàр э́ргĕм, Марья у̀дӯрэ̀м, Онйс шòлйм, Танькà шӱжарэм! тòштŏ мари́шкĕ каэ̀н улдà... Мелнамàт кочсà, киндэдà, шинчалдà ток ли́жĕ! Шужэн идà кошт! [Макаръ—сынъ мой, Марья—дочь моя, Анисья—младшая сестра моя, Татьяна—старшая сестрая моя! къ старымъ черемисамъ ушли вы (есте)... Блины-то ѣшьте; хлѣба и соли довольно было-бы! Голодными не уходите!]“

И она кладетъ кусочки блина и хлѣба на лопату. Остальные присутствующіе торопятся сдѣлать тоже самое, потому что свѣчки коротки и быстро сгораютъ, не то что въ *шы́мыт* или *ны́ллы*, когда готовятся длинныя, толстыя свѣчи. Кладя по крошечному кусочку на лопату, поминающіе съѣдаютъ сами по нѣскольку кусковъ и хлебаютъ по нѣскольку ложекъ, такъ что къ концу остается весьма немного въ каждой посудинѣ.

Лишь только сгорѣли всѣ свѣчи, *сортà пуэ́дышĕ* берется за лопату; заупокойную чашу, ленгѐжъ съ пивомъ, селянку помогаютъ выносить присутствующіе. Въ сопровожденіи музыканта (*шӱ́бырзĕ*) всѣ идутъ въ опредѣленный (западный) уголъ двора подъ звуки заунывной музыки, во время шествія понемногу отливая пива и бросая кусочки блиновъ, чтобы выманить изъ избы души покойниковъ. Здѣсь пуэдышъ опрокидываетъ лопату, произнося:

„Шу́жŏ! то́штŏ мари́-ша́мыч, во́лгодŏ ке́чештĕ коштсà. (Пусть дойдетъ! старые черемисы, при свѣтломъ солнцѣ ходите!)“.

Блины и куски хлѣба вываливаются въ этотъ уголъ, щи выливаютъ тутъ же. Встарину черемисы гнушались ѣсть то, чтò предложено было покойникамъ, какъ оскверненное ихъ прикосновеніемъ, находили, что въ этихъ кушаньяхъ нѣтъ вкуса, почему все доставалось собакамъ. Но теперь этимъ перестали брезговать, особенно въ Уржумскомъ уѣздѣ; какъ при поминкахъ въ 40-й день, черемисы выпиваютъ почти все отлитое въ честь покойниковъ пиво, такъ и теперь: селянку съѣдаютъ на скорую руку, расхватываютъ всѣ яйца кромѣ одного, которое только и достается покойникамъ, а изъ щей вылавливаютъ всѣ лучшіе

куски мяса. Все это продѣлываетъ больше молодое поколѣніе. При этомъ опять молитва:

„Шу́жӧ!.. то́штӧ мари́—ша́мыч, киндэда̀—шинчалда̀ ток ли́жӗ... шужэ̀н ида̀ кошт!“

Пиво пьютъ особенно усердно, потому что существуетъ, какъ я сказалъ ранѣе, повѣрье, что такое пиво полезно отъ зубной боли, но все же много его выливаютъ въ уголъ, съ неизбѣжнымъ „шу́жӧ“; съ водкой однако поступаютъ иначе: отливается самая незначительная часть, а остальное выпиваютъ сами поминающіе. Пузырщикъ все это время не переставая играетъ въ пузырь. Эта процедура обыкновенно называется „проводами покойниковъ“, какъ и въ седьмой день. Хозяйская собака, въ компаніи со своими гостями, доканчиваетъ все, что попадаетъ въ этотъ уголъ.

Глядя на угощающихся и грызущихся между собою собакъ, *сорта̀ пу́ӡдышӗ* произноситъ послѣднюю молитву:

„То́штӧ йынг-ша́мыч, бурсэ̀н ида̀ ка́йы! Ала̀ мо чес шыш шугына̀т, ида̀ бурсы́! Илаш полшыза̀, пашала̀н полшыза̀, анга̀—йыра́нгӧм ида̀ то́шкӧ, и́гэ̀ шу́бӧ-шамычла̀н ида̀ лога̀л, во́ликӧм ида̀ шала́лтэ̀... Шолыма̀н—йюр гы́чин, чыла̀ очинэ̀ гы́чин, кани́-сыр гы́чин аралыза̀; тул гы́чин, вӱд гы́чин, очинэ̀ кӱлтыма̀ш гы́чин аралы́за̀, сакылы́за̀! Тэбэ̀ ындэ̀ мэ тэнда̀н люмешда̀ пайра́мӧм ыштена̀: сай ко́чкын—йюн, йыбыртэ̀н кайза̀; чебэ̀рын, бурсэ̀н ида̀ ка̀йы! [Старые черемисы, бранясь не уходите! Что-нибудь изъ угощенія не дошло хотя, не бранитесь!.. Въ житьѣ-бытьѣ помогите, въ работѣ помогите, на полосѣ борозды не топчите, дѣтей (нашихъ) не трогайте, скотины не разгоняйте. Отъ грозы съ градомъ, отъ всякой напраслины, несчастія оберегите; отъ огня, отъ воды, отъ ужаснаго бѣдствія спасите—сохраните! Вотъ мы во имя ваше праздникъ устроили: хорошо поѣвши—попивши, съ весельемъ, прилично, а не бранясь, уходите!]“

Всѣ почтительно остаются тутъ нѣкоторое время, какъ бы выжидая отвѣта, а потомъ идутъ въ избу, забросивъ поминальную посуду куда-нибудь на крышу, гдѣ она провѣтривается отъ оскверняющаго прикосновенія покойниковъ недѣлю или двѣ, и снова дѣлается годною для дальнѣйшаго употребленія. По возвращеніи со двора, кто-нибудь изъ остающихся въ избѣ нали-

ваетъ въ поминальный ковшъ пива, подаетъ сосредоточенно молчащему пуэ́дышу и спрашиваетъ:

„Мом кала́сышт то̀што̆ йынг-ша́мыч? (Что̀ сказали старые черемисы?)“

Старикъ отвѣчаетъ обычными въ этихъ случаяхъ фразами:

„Сай ылиза̀: суртда̀ поя̀н ли́жѐ, воликда̀ шу́ко̆ ли́жѐ, киндэшда̀ перькѐ ли́жѐ; йешда̀ шу́ко̆ ли́жѐ, ватя̆да̀-ша̀мыч йы̀гыр аза̀м и́штышт... Чебы́рын ылиза̀: то̀што̆ марѝ-ша́мыч шу́ко̆ мала̀ш, пашала̀н ӧрканаш шышт ку́што̆... Пе́чѐм печа̀ш ку́штышт... (Благополучно живите: дворы ваши да будутъ богаты, скота у васъ пусть будетъ много, въ хлѣбѣ у васъ да будетъ изобиліе; семьи ваши да будутъ многочисленны, жены ваши пусть родятъ двойней... Живите добрымъ порядкомъ: старые черемисы много спать, въ работѣ лѣниться не велѣли... Изгородь городить велѣли...)“

Изобрѣтательность пуэ́дыша иногда побуждаетъ его передавать отъ лица покойниковъ такое приказаніе, которое прямо указываетъ на больное мѣсто, на какой-нибудь непорядокъ въ домѣ. Но серьезнаго значенія эта послѣдняя сценка уже не имѣетъ, и развѣ можетъ лишь указывать на то, что когда-то черемисы серьезно думали, что души покойниковъ, угостившись предложенной имъ трапезой, чрезъ сорта̀-пуэ́дыша могутъ дать своимъ родичамъ точно такія же наставленія, какія сдѣлали бы при жизни. Слѣдующее обстоятельство доказываетъ, что это— уже теряющій смыслъ остатокъ сѣдой старины, простое переживаніе. Обыкновенно, послѣ вышеприведенныхъ словъ пуэ́дыша, кто-нибудь изъ шаловливой молодежи добавляетъ къ словамъ покойниковъ:

„Эша̀ йынг ватя̆дэ́не кошташ шышт ку́што̆! (Еще мужу къ женѣ *ходить* не велѣли!..)“

И такая выходка принимается большею частью благосклонно, возбуждая всеобщій хохотъ.

Предложившій пуэдышу вопросъ угощаетъ пивомъ всѣхъ, провожавшихъ покойника на дворъ.

Къ этому времени собираются запоздавшія женщины со всего участка. За столъ вплотную усаживается столько народу, сколько можетъ помѣститься. Ѣдятъ и пьютъ, гдѣ придется, но не досыта, потому что предстоитъ подобное же угощеніе во всѣхъ домахъ. Кто сытъ, вылѣзаетъ изъ-за стола, принимается за пѣсни и

пляску, подъ веселые звуки пузыря. Зрители гогочутъ отъ пьянаго восторга, неистово топаютъ ногами и апплодируютъ. Этотъ нестройный гамъ и шумъ длится послѣ угощенія за хозяйскимъ столомъ около получаса, затѣмъ толпа валитъ дальше. Тоже самое совершается въ слѣдующей избѣ и т. д.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе изъ участвующихъ свалятся далеко прежде, чѣмъ дойдутъ до послѣдняго дома участка; крѣпятся только тѣ, въ чьемъ домѣ приходятся поминки позже другихъ. Сраженные силою водки валятся тамъ, гдѣ отказались имъ служить ноги. Кто покрѣпче, тотъ бредетъ въ другой участокъ. Но обыкновенно всѣ угощаются до ризоположенія, держась того убѣжденія, что чѣмъ болѣе выпито и съѣдено въ это время, тѣмъ пріятнѣе покойникамъ, въ честь которыхъ совершается праздникъ.

Въ семикъ поминовеніе умершихъ совершается у черемисъ по томуже ритуалу, что́ и на страстной недѣлѣ; разница будетъ только въ томъ, что праздничный разгулъ, благодаря теплому времени года, принимаетъ болѣе широкіе размѣры и сходитъ съ рукъ безнаказаннѣе: зимой пьяный того и гляди замерзнетъ, а теперь этой опасности не можетъ быть.

Русскіе особенно презираютъ черемисъ за подобные праздники, такъ какъ, помимо неизбѣжнаго пьянства, они сопровождаются еще широкою половою распущенностью. Смѣшеніе половъ особенно замѣтно въ семикъ, когда природа развернула свои силы, нарядилась въ свой весенній уборъ. Развратъ совершается открыто, почти на глазахъ старшихъ, утратившихъ отъ пива и кумышки способность понимать то, что творится предъ ихъ глазами. Сами старшіе, вспоминая свои молодые годы, видятъ въ прошломъ туже картину и ничего не имѣютъ противъ такой свободы молодежи. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о развратѣ съ нашей точки зрѣнія: нужно сначала быть воздержнымъ въ половомъ смыслѣ, чтобы потомъ спуститься до распутства, которое, по сравненію съ прежнимъ воздержаніемъ, составляетъ рѣзкій контрастъ, именуемый развратомъ, нарушеніемъ требованій морали. У нашихъ инородцевъ, до знакомства съ христіанствомъ, совсѣмъ не стояло въ кодексѣ морали запрета противъ половой свободы: у черемисъ, какъ у вотяковъ и чувашъ, какъ и у

всѣхъ некультурныхъ народовъ, половая свобода не есть порча чистыхъ нравовъ, а остатокъ, пережитокъ прежней формы быта, когда дѣвушка до замужества составляла собственность всего рода-племени и не могла выйти замужъ въ другой родъ, пока своя молодежь ея не облюбуетъ и не убѣдится—сначала въ ея способности къ брачному сожительству, а потомъ—къ дѣторожденію. Если еще теперь вотякъ *совсѣмъ* не обращаетъ вниманія на безграничныя половыя увлеченія своей дочери, то и черемисинъ обращаетъ на это также *очень мало* вниманія. За свое многолѣтнее знакомство съ этими инородцами (1860—1885 годы), я знаю всего два—три случая, когда черемисская дѣвушка вышла замужъ цѣломудренной; но двѣ изъ нихъ были некрасивы, даже съ инородческой точки зрѣнія, а третью, удивительно миловидную, вплоть до замужества отецъ ни разу не пускалъ на гулянки съ молодежью...

Извиняясь заранѣе передъ читателемъ за нижеприводимыя подробности, я прошу ригористовъ не читать конца этой главы; но я не могу умолчать о томъ, что знаю и что составляетъ самое больное мѣсто въ черемисскихъ нравахъ...

Итакъ, половая свобода у черемисъ, какъ и вотяковъ, не только терпима, но коренится если не въ вѣрованіяхъ, то въ нравахъ племени. „Парень дѣвушку не любитъ,—Богъ не любитъ“, говоритъ вотская пословица. По воззрѣнію черемисъ, половое воздержаніе—не добродѣтель, но и распущенность молодежи грѣха *ничуть* не составляетъ; она даже—не „птичій грѣхъ“, какъ говорятъ нѣкоторые старообрядцы изъ русскихъ, и наказанія за нее не полагается, ни здѣсь, ни въ загробномъ черемисскомъ мірѣ. Черемисину какъ-то странно жениться на дѣвушкѣ, которая не свела близкаго знакомства хотя бы съ однимъ парнемъ. Ребенокъ не составляетъ укора для дѣвушки: онъ—лишній будущій работникъ въ семьѣ ея отца, который тотчасъ же идетъ въ волость, вноситъ его въ свой посемейный списокъ, и такимъ образомъ усыновляетъ.

Молодежь сходится близко главнымъ образомъ во время праздниковъ: 1) на Рождествѣ, когда по деревнямъ устраиваются повсемѣстно очередныя вечеринки и совершается гаданье въ баняхъ, хлѣвахъ и овинахъ, гдѣ парни и караулятъ намѣченныя жертвы; 2) особенно съ Троицы до Казанской (8 іюля), когда всюду

найдется уголокъ для любой пары. Кромѣ того, лѣтомъ легко встрѣтиться въ лѣсу, куда молодежь отправляется за ягодами или за грибами, а осенью вездѣ практикуются посидѣлки, на которыя исключительно собирается молодежь: дѣвушки съ рукодѣльемъ, а парни—съ грошовыми сластями. Посидѣлки устраиваются въ складчину, и изъ собраннаго матеріала (солодъ, мука и проч.) готовится пиво и кой-какая стряпня; сами дѣвушки гонятъ кумышку для угощенія своихъ кавалеровъ. Сначала обыкновенно идетъ бесѣда и угощеніе, потомъ начинаются пѣсни и пляска, чаще подъ волынку съ барабаномъ, а иногда и подъ одинъ барабанъ. Выборъ пѣсенъ съ эротическимъ содержаніемъ у черемисъ очень богатъ, особенно вблизи мѣстностей съ татарскимъ населеніемъ; еще богаче запасъ крайне двусмысленныхъ загадокъ, которыми забавляются дѣвушки и парни. Понемногу молодежь, утомленная плясками, разбивается на пары; кавалеры начинаютъ любезничать съ дамами. На этихъ вечеркахъ поведеніе женатыхъ парней, не желающихъ себя стѣснять супружескою вѣрностью, особенно зазорно. Если вечерки сопровождались насиліемъ надъ дѣвушкой, то можно быть почти увѣреннымъ, что начало положено женатымъ; по крайней мѣрѣ, такъ было въ двухъ достовѣрно мнѣ извѣстныхъ случаяхъ, когда дѣвушка подверглась однажды насилію со стороны шести, а въ другой разъ—восьми человѣкъ. Какъ это ни странно, черемисы относятся очень спокойно къ столь возмутительнымъ случаямъ. Увѣренность-ли въ томъ, что дѣвушка все равно не сбережетъ себя, объясняетъ это спокойствіе, но только я знаю за свое многолѣтнее знакомство единственный случай, когда отецъ принесъ жалобу на оскорбителей дочери, и послѣдніе понесли должное наказаніе.

Каждая пара сходится полюбовно, и лѣтомъ чрезвычайно легко это наблюдать. На улицѣ, среди деревни собирается подъ вечеръ кучка молодежи обоего пола, заводятся игры (особенно *бӱль-алашӓдэн модӓш*, т.-е. „въ кобылу и жеребца играть“), и пары, вышедшія въ тиражъ, т.-е. выбывшія по условіямъ игры, потихоньку удаляются на задворки, въ огородъ, гумно или близлежащій лѣсъ. Скоро на улицѣ остаются только подростки. Съ виду они ведутъ себя чинно, но если вы знаете языкъ, прислушайтесь, о чемъ они говорятъ.

„Сегодня Танька съ Алешкой пошла, а Максимку прогнала...“

— Гляди, гляди! Егорка съ Анкой ужъ назадъ пришли... Теперь сестру мою тащитъ, а Анку, видно, другому уступилъ...

Чѣмъ дѣвушка и парень моложе, тѣмъ долговременнѣе ихъ обоюдная привязанность. Но болѣе опытные въ наукѣ любви успѣваютъ смѣниться въ одинъ вечеръ въ нѣсколькихъ парахъ. Сразу можно замѣтить, какой кавалеръ наиболѣе пріятенъ дѣвушкамъ, и какая дѣвушка вызываетъ всеобщее вниманіе парней. Пока пары сговариваются, тутъ же, въ общей кучѣ, толкутся подростки отъ 12 лѣтъ. Неудивительно, что половые инстинкты начинаютъ у нихъ раньше времени усиленно работать, и къ 14, много 15 годамъ, они не отстаютъ отъ старшихъ. Чаще бываетъ, что дѣвушка-подростокъ становится жертвой опытнаго дѣтины, который располагаетъ ее къ себѣ орѣхами, пряниками и мелкими грошовыми подарками. Когда жертва привыкла немного къ своему поклоннику, онъ переходитъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Поцѣлуй (*шупшáлмӧ*, отъ *шупшалàш*—„цѣловать“) у черемисъ мало употребителенъ: кавалеръ старается защекотать (*чигылдàш*) свою подругу до полной истомы. Испытывая приступъ невѣдомаго ей доселѣ чувства, дѣвушка даетъ кавалеру свое кольцо, въ знакъ власти надъ собою, и тотъ уводитъ ее въ укромное мѣсто. Но она не отдается ему до тѣхъ поръ, пока онъ зубами не развяжетъ шнура у извѣстной принадлежности ея костюма... Если кавалеръ нравится юной дѣвушкѣ, она отдается новой страсти съ необузданнымъ пыломъ; не лучше ведутъ себя и мальчики-подростки, вкусившіе любви... Увы, ничто не вѣчно подъ луною! И молодая дѣвушка очень скоро убѣждается въ измѣнѣ своего кавалера; она быстро узнаетъ, что̀ такое ревность (*ушкалэ̀м*). Разъ испытавъ болѣе или менѣе сильную любовь (*йоратэмàш*), она ограничивается потомъ только мимолетными привязанностями, и быстро мѣняетъ поклонниковъ.

Жалко бываетъ смотрѣть на изможденныя лица молодежи обоего пола! День она проводитъ на работѣ, вечеромъ—игры и пѣсни на улицѣ, а въ теченіе всѣхъ іюньскихъ ночей, если только погода благопріятна, молодежь не смыкаетъ глазъ, посвящая время ухаживанію и пресыщаясь половыми излишествами.

Какъ бы мы ни называли эту половую свободу—групповымъ ли бракомъ, коммунальнымъ ли—отъ этого будетъ не лучше. Извѣст-

ный афоризмъ „naturalia non sunt turpia“ (что естественно, то незазорно) не заставитъ насъ закрыть глаза на эту грязь, грязь въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Полное несоблюденіе обоими полами чистоты влечетъ за собой быстрое гоноррейное заболѣваніе молодежи, раждается гнилое потомство, и племя начинаетъ вымирать... Жаль, что земскіе врачи такъ мало обращаютъ вниманія на эту сторону инородческихъ нравовъ.

Половая разнузданность молодежи всего сильнѣе сказывается въ чисто черемисскихъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ примѣси иноплеменнаго населенія. Русскіе парни нерѣдко являются въ это время къ черемисамъ и принимаютъ участіе въ увеселеніяхъ черемисской молодежи. Но это кончается для нихъ не всегда благополучно, и они иногда удаляются съ крѣпко намятыми боками. Въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе сказывается отмѣченный мною выше взглядъ черемисъ, что за дѣвушками данной деревни могутъ ухаживать только парни этой же деревни, изъ одного съ нею рода. Однако, во всѣхъ черемисскихъ деревняхъ нетрудно замѣтить порядочный процентъ голубоглазыхъ и русоволосыхъ ребятъ. Значитъ, бываютъ и удачныя посѣщенія для русскихъ парней...

Прелюбодѣяніе хотя и не столь извинительно, но и оно невмѣняемо въ праздничное, пьяное время, когда черемисинъ неспособенъ отличить своей жены отъ чужой. Кромѣ случаевъ, оправдываемыхъ нетрезвымъ состояніемъ, черемисскія жены ведутъ себя безукоризненно, съ любовью воспитывая дѣтей и занимаясь хозяйствомъ. Мужья сами сознаютъ это, но себя не желаютъ ничуть стѣснять: женатый черемисинъ, отправляясь съ женой въ гости къ тестю, на правахъ гостепріимства заводитъ связи съ сестрами жены; холостой парень почти всегда состоитъ въ сожительствѣ съ вдовой умершаго своего брата; я зналъ даже нѣсколько случаевъ сожительства племянника съ родною теткой (сестрой отца), причемъ рождались и дѣти. Вдова располагаетъ собою совершенно свободно, если въ домѣ одинъ дряхлый тесть; но если тесть бодръ, то онъ вступаетъ въ права мужа; встарину, когда сыновей женили въ юныхъ лѣтахъ на взрослой дѣвушкѣ, снохачество у черемисъ было явленіемъ заурядным; оно и теперь еще очень сильно у восточныхъ черемисъ. Солдатки ведутъ себя, какъ дѣвушки, разгоняя тоску

супружескаго одиночества въ кругу парней. Солдатки и разбитныя вдовушки хороводятъ всѣми безчинствами, какія совершаются на сборищахъ молодежи. Словомъ, „воздержаніе“ черемисамъ незнакомо, и у нихъ нѣтъ термина для обозначенія его.

Меня одно поражало въ этой печальной картинѣ черемисскихъ нравовъ: въ то время какъ у русскихъ въ подобныхъ случаяхъ не обходится безъ дракъ и тяжкихъ увѣчій, у черемисъ, какъ и у вотяковъ, все проходитъ тихо и мирно, какъ явленіе совершенно нормальное, пока явно не вмѣшался иноплеменникъ; если же, напр., русскій втихомолку пользуется взаимностью черемисской дѣвушки, это не вызываетъ неудовольствія: наоборотъ, это составляетъ предметъ гордости для черемисской красавицы, возбуждаетъ зависть у подругъ. Такое спокойное отношеніе пожилой части черемисскаго населенія къ половымъ излишествамъ молодого поколѣнія можно объяснить только вѣками установленнымъ обычаемъ. Благодаря этому, отецъ не обращаетъ вниманія на поведеніе дочери, братъ не вступается за свою сестру, вообще—изъ семейнаго круга не исходитъ ничего такого, что хотя отчасти сдерживало бы поведеніе молодежи.

Ознакомленіемъ съ этимъ взглядомъ черемисъ на половую свободу я закончу свой обзоръ погребальныхъ обрядовъ черемисъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что моментъ наибольшей половой свободы совпадаетъ у черемисъ съ праздниками въ честь умершихъ. Какъ бы съ цѣлью дополнить убыль, произведенную въ извѣстномъ черемисскомъ родѣ цѣлымъ рядомъ смертей, „молодая жизнь усиленно играетъ“ послѣ поминокъ и страсть бьетъ ключемъ. Таковъ ужъ неумолимый законъ природы, который человѣкъ умѣетъ однако постепенно исказить и изуродовать... Исправить это уродство можно только вліяніемъ извнѣ, потому что въ некультурной средѣ едва-ли можетъ возникнуть само-собою стремленіе къ улучшенію нравовъ. Пожелаемъ же, чтобы среди черемисъ побольше явилось „пастырей добрыхъ“ и чтобы въ селеніяхъ ихъ возникли надлежащимъ образомъ поставленныя земскія школы...

Глава V.

Загробныя вѣрованія черемисъ.

Трудность изученія загробныхъ вѣрованій: неясность представленій черемисъ, вліяніе чужихъ религій и культуръ. Оригинальная черта этихъ вѣрованій сводится къ чисто шаманскому воззрѣнію на загробную жизнь. Душа, по понятіямъ черемисъ, безсмертна. Семикратное возрожденіе души. Зачатіе человѣка и предопредѣленіе его судьбы. Ангелъ поручитель. Ангелъ смерти; его образъ и отношеніе къ нему черемисъ; способъ отнятія жизни у людей.—Понятіе черемисина о грѣхѣ: грѣхъ въ собственномъ смыслѣ (*сӱ́лы̆к*) и проступокъ (*я̀зык*) Грѣхъ незамолимъ, а проступокъ наказуется только стыдомъ (*на̀мыс*). Загробная кара (*о́рлык*, *аза̀п*). Контрасты черемисской и христіанской морали: 1) отношеніе къ богамъ добрымъ и злымъ; 2) взглядъ на половую свободу. Крайности послѣдняго взгляда: гостепріимный гетеризмъ и проч. Черемисину незнакомо воздержаніе, но онъ не знаетъ и буйнаго разврата. Недоразумѣнія съ духовными отцами по поводу грѣховъ. Хорошія стороны черемисской морали.—Загробныя вѣрованія черемисъ. Мѣстонахожденіе загробнаго міра Могила—единственный путь, по которому душа попадаетъ въ здѣшній міръ. Темная (пичке́-мышӗ верь) и свѣтлая (во́лгодӧ верь) половины загробнаго міра Преддверіе загробнаго міра: адскія собаки, змѣи, крутыя горы. Власти подземнаго міра: *Та̀мук вуй*, *Кіямда̀т* и *Кіямда̀т са̀вуш*. *Кіямда̀т*=судья и *кіямда̀т*=воскресеніе мертвыхъ. Догадки о значеніи слова *кіямда̀т*. Характеристика загробнаго суда и судей. Продѣлки грѣшниковъ на судѣ. Послѣднее, окончательное испытаніе Адское и райское состояніе душъ: унынie и злоба однихъ, и однообразное блаженство другихъ. Отпуски на землю для скучающихъ душъ. Вакатъ мертвыхъ. Поведеніе душъ на землѣ.—Характерные моменты изъ странствованій души по загробному міру.—Чѣмъ вызываются частыя отлучки душъ на землю? Отношеніе души къ ближайшимъ роднымъ на землѣ. Непонятные капризы душъ. Озлобленіе безродныхъ душъ. Жертвоприношеніе отдаленнымъ предкамъ. Соотношеніе поведенія души съ прижизненнымъ характеромъ умершаго. Души людей дурныхъ часто обращаются въ злобныхъ духовъ (кереметей). Подобные духи особенно многочисленны въ мѣстахъ древнѣйшихъ поселеній черемисъ.—Откуда извѣстны черемисамъ подробности о странствованіяхъ души и о загробномъ мірѣ? Чисто черемисскія черты нѣкоторыхъ подробностей, ихъ архаизмъ.—Культъ покойниковъ, какъ результатъ воззрѣній черемисъ на загробную жизнь. Цѣль поминокъ—сократить посѣщенія загробныхъ гостей. Душа умершаго, какъ и трупъ, есть нѣчто оскверняющее. Очищеніе отъ осквернения. Противорѣчіе новаго времени съ этимъ взглядомъ на осквернение.—Необходимость задабривать покойниковъ, какъ ближайшихъ покровителей, сохранившихъ всѣ человѣческія потребности. Души довольствуются только вкусовымъ началомъ и ароматомъ кушаній, т.-е. субстанціей пищи.—Необходимость широкихъ аналогій, для выясненія степени оригинальности загробныхъ вѣрованій черемисъ. Связь культа умершихъ съ почитаніемъ верховныхъ боговъ.

Загробныя вѣрованія луговыхъ черемисъ вообще такъ мало изучались доселѣ, что едва-ли кто броситъ въ насъ камнемъ за неполноту этой главы. Трудность изученія вопроса осложняется еще тѣмъ, что у самихъ черемисъ, какъ и вообще у всякаго народа, нѣтъ и не можетъ быть опредѣленнаго представленія о загробной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ весьма интересовалъ этотъ вопросъ, крѣпко интересуетъ еще и теперь, что явствуетъ изъ всей совокупности совершаемыхъ ими поминальныхъ обрядовъ, и они пытались самостоятельно разработать его, гдѣ смогли, а въ остальномъ они предпочли простое заимствованіе то деталей, то терминологіи у своихъ сосѣдей. Нечего и думать о возстановленіи этихъ вѣрованій въ томъ видѣ, въ какомъ они вынесены черемисами изъ азіатской родины: вліяніе чужихъ религій толстымъ слоемъ легло на первичныя, чисто шаманскія вѣрованія черемисъ. Занимая съ древнѣйшихъ временъ четыреугольникъ между рр. Волгой и Вяткой, Ветлугой и Камой, а также отдѣльные оазисы въ предѣлахъ Пермской и Уфимской губерній съ XVI—XVII вв., и достигая въ настоящее время солидной цифры—400 тысячъ душъ, луговые черемисы послѣдовательно подвергались то вліянію хазаро-булгарской, то славянской, то татарской, то позднѣйшей русской культуры, и каждая народность, несомнѣнно, такъ или иначе вліяла на религіозныя ихъ воззрѣнія, оставивъ болѣе или менѣе замѣтные слѣды то въ терминологіи, то въ деталяхъ, какими обрисовывается загробный міръ.

Разобраться въ этомъ лабиринтѣ довольно мудрено, но, какъ читатель увидитъ ниже, въ вѣрованіяхъ черемисъ, касающихся загробной жизни, найдется нѣсколько чертъ, всецѣло имъ принадлежащихъ. Это невольно наводитъ на мысль, что уже до прихода своего въ Европу черемисы имѣли и нѣчто опредѣленное на этотъ счетъ, кромѣ общаго всей финской вѣтви чисто шаманскаго воззрѣнія на загробную жизнь, какъ на продолженіе настоящей; но многія детали этой загробной жизни разработаны на мѣстѣ новаго поселенія черемисъ, сравнительно въ болѣе позднюю пору и подъ вліяніемъ разныхъ народностей.

Для большей послѣдовательности въ изложеніи черемисскихъ представленій о загробномъ мірѣ, начнемъ прежде всего съ понятія черемисина о душѣ и о грѣхѣ, влекущемъ за собой наказаніе въ будущемъ.

Душа человѣка, по мнѣнію черемисъ, безсмертна. Прежде чѣмъ появиться на нашей землѣ, она послѣдовательно шесть разъ вложена была въ человѣческое тѣло на разныхъ земляхъ (планетахъ), стало быть, является на нашу землю уже довольно старой. Но, возрождаясь семь разъ, она, должно быть, не выноситъ опытности изъ прежней жизни и сохраняетъ постоянную наклонность ко грѣху, за что особенно грѣховныя души обращаются въ рыбу, безъ надежды на возрожденіе.

Тотчасъ же при самомъ зачатіи ребенка „великая все рождающая мать“ (*кугу̀ шо́чӱн куба̀*) влагаетъ въ него невѣдомо откуда взятую душу, быть можетъ—изъ того запаса, который скопляется отъ черемисъ, успѣвшихъ ранѣе умереть по шести разъ на другихъ планетахъ. Душа эта называется по-черемисски *чон*; но это же слово служитъ для выраженія понятій „совѣсть“ и „сознаніе“. При самомъ рожденіи черемисина земная судьба его впередъ опредѣляется „богомъ судьбы“ (*кавàн-ю̀мӧ*). Чтобы черемисинъ жилъ на землѣ достойнымъ образомъ, ему дается для охраны особый „поручитель“ *су́кчӧ*,) отъ *сук* — порука). „Поручитель“ сопровождаетъ черемисина во всю жизнь и помѣщается на его плечѣ (*ва́че*), почему и называется *вачевàл сукчӧ* „на плечѣ поручитель“, т. е. равносиленъ христіанскому ангелу-хранителю.

Человѣческая жизнь, съ самаго явленія на свѣтъ человѣка, находится въ рукахъ *Пӱюрш* (Пӱрш)-*Юмы* („бога подателя“); по волѣ этого бога и съ согласія „бога судьбы“ (*Кавàн-ю̀мӧ*), ее прекращаетъ *Азыре́н*—„смерть“, или „ангелъ смерти“, какъ хотите, ближайшій сотрудникъ Кереметя. Этотъ Азыренъ рисуется то старикомъ, то среднихъ лѣтъ мужчиной, но непремѣнно съ ужасной физіономіей, на которой особенно замѣтны огнемъ горящіе огромные глаза, и съ большимъ ножемъ въ рукахъ. Самое имя *Азыре́н* (у малмыжскихъ черемисъ *Азре́мя*, у красноуф. *Озырэ̀н*), видимо, усвоено черемисами давно, быть можетъ, еще въ эпоху существованія хазаръ, исповѣдывавшихъ еврейство, а можетъ быть—непосредственно и значительно раньше заимствовано отъ евреевъ. Извѣстно, что въ библіи является въ качествѣ ангела смерти *Азраилъ*, перешедшій въ Коранъ мусульманъ, а у чувашъ удержавшійся подъ именемъ *Эсре́ль*.

Этотъ Азыренъ способенъ внушать черемисамъ только ужасъ; но такъ какъ власть его надъ каждымъ черемисиномъ сказы-

вается одинъ разъ въ жизни, то ни малѣйшаго почитанія Азырену черемисы не оказываютъ, ни съ какими молитвами къ нему не адресуются, потому что, все равно,—онъ неумолимъ. Отнимая жизнь у черемисина, Азыренъ невидимо перерѣзаетъ ему ножемъ горло и извлекаетъ изъ него всю кровь, которую необходимо у него выкупить кровью пѣтуха, иначе въ загробномъ мірѣ душа не приметъ надлежащаго вида. Самая душа черемисина поступаетъ теперь въ руки ангела-хранителя (*вачевдл сӱкчӧ*), который и сопровождаетъ ее въ загробный міръ; но ангелъ этотъ безсиленъ чѣмъ-либо помочь душѣ при переходѣ въ иной міръ: онъ—только безмолвный ея спутникъ. Онъ не можетъ сколько-нибудь облегчить для души загробный судъ или убавить тяжесть лежащихъ на ней грѣховъ.

Кстати—о грѣхахъ. Воззрѣніе черемисина-язычника на грѣхъ значительно расходится съ христіанскимъ. „Грѣхъ“ по-черемисски называется *я́зык* и *сӱлы̆к*; первое обозначаетъ собственно проступокъ, второе—важный грѣхъ. Черемисинъ считаетъ настоящимъ грѣхомъ (*сӱлык*) только такіе поступки, которые прямо вредятъ ближнему: убійство, клеузничество, кража, ложь, колдовство, обманъ, непочитаніе старшихъ и непочитаніе къ Юмѣ; это будетъ все *сӱлы̆к*. Противуположные этимъ поступки, направленные къ общей пользѣ, будутъ добродѣтелями. Всякое же дѣйствіе, хотя бы далеко непохвальное, но не вредящее другимъ и отражающееся только на самомъ дѣйствующемъ, грѣха въ собственномъ смыслѣ не составляетъ, развѣ только унижаетъ человѣка, дѣлаетъ его смѣшнымъ и жалкимъ, роняя его въ глазахъ другихъ (пьянство, лѣность и пр.); это будетъ только *я́зык*—„проступокъ“. *Я́зык* не подлежитъ наказанію, ибо совершившій проступокъ уже самъ въ себѣ несетъ наказаніе, испытывая стыдъ (*на́мыс*), а сверхъ того и окружающіе могутъ надъ нимъ безнаказанно насмѣхаться (*мускулдш*). Разъ содѣянный язычникомъ грѣхъ не подлежитъ прощенію и незамолимъ: онъ неизбѣжно повлечетъ за собой кару (*о́рлык, аздл*) въ загробномъ мірѣ. Поэтому преданные своей старой вѣрѣ черемисы *никогда* не просятъ бога о прощеніи грѣховъ, а только о матеріальномъ благосостояніи: объ урожаѣ, о размноженіи скота, о помощи Юмы въ дѣлахъ своихъ, объ избавленіи отъ врага и дикаго звѣря и разныхъ физическихъ бѣдствій. Отмѣтимъ крайніе контрасты черемисской морали съ христіанскою:

1) Въ крайней нуждѣ можно молиться *всякому* богу, русскому или любому изъ боговъ черемисскаго Олимпа (причемъ святые русской церкви: св. Николай, архангелъ Михаилъ и др., даже праздники въ честь Божьей Матери сопричисляются къ богамъ наприм. *Микóла-юмŏ, Покрдо-юмо*), лишь бы помогалъ, потому что, въ концѣ концовъ, Богъ все-таки одинъ, хотя у него много названій и много разныхъ помощниковъ. Богу злому черемисинъ молится только въ бѣдѣ и несчастіи; испытывая матеріальное благополучіе, черемисинъ никогда и не вспоминаетъ о Кереметѣ и его семьѣ. Но, попавъ въ бѣду, черемисинъ держится того мнѣнія, что Кереметя не составляетъ грѣха и принадуть другой разъ (напр., вмѣсто цѣлой жертвы принести ему только голову, купленную на базарѣ), потому что онъ взялъ надъ человѣкомъ такую страшную власть насильно. Если бы только представилась возможность, черемисы готовы убить Кереметя: такъ они его ненавидятъ за злыя дѣйствія противъ человѣка.

2) Блудъ, или свободное сожительство половъ ничуть не составляетъ грѣха для молодежи, потому что сожительство молодого поколѣнія въ предѣлахъ одного рда допускалось черемисами съ глубокой древности. Если молодежь пользуется этимъ правомъ, являясь въ качествѣ гостей, то подобныя временныя связи нужно разсматривать, какъ гостепріимный гетеризмъ, распространенный чрезвычайно сильно. Въ доброе старое время этимъ гетеризмомъ широко пользовалась мелкая русская администрація среди черемисъ и вотяковъ. Прибавимъ къ этому, что молодыя вдовы и солдатки гуляютъ съ парнями безъ стѣсненія, что съ ними нерѣдко состоятъ въ сожительствѣ младшіе братья ихъ мужей, и это не считается зазорнымъ, какъ незазорно сожительство черемисина съ младшими сестрами его жены, а свекра—съ вдовой невѣсткой.

Здѣсь и кончаются контрасты христіанской и черемисской морали, которая такъ мало понятна всѣмъ намъ и вызываетъ недоразумѣнія между крещенымъ черемисиномъ и его духовнымъ отцомъ. Въ остальномъ мы найдемъ сходство съ требованіями какой-угодно нравственной религіи. Къ чести черемисъ нужно сказать, что между язычниками изъ ихъ среды попадаются нерѣдко личности высоконравственныя, о которыхъ можно всегда съ удовольствіемъ вспомнить, какъ объ отрадномъ явленіи. Слѣ-

дуетъ отмѣтить широкую благотворительность богатыхъ черемисъ, которую намъ приходилось многократно наблюдать; любовь черемисъ къ дѣтямъ, готовность во всякую минуту помочь сиротамъ и впавшимъ въ несчастіе, почему у нихъ такъ мало распространено нищенство, и т. д.

Перейдемъ теперь къ обзору загробныхъ вѣрованій черемисъ, чтобы получить болѣе или менѣе ясное представленіе о странѣ, въ которой ведутъ свое существованіе „древніе черемисы“, т. е. умершіе. По крупицамъ, въ теченіе ряда лѣтъ, приходилось намъ собирать свѣдѣнія для полученія полной картины, а въ иныхъ случаяхъ дѣлать соотвѣтственные выводы изъ обрядовыхъ мелочей, соблюдаемыхъ черемисами. Они, лучше сказать, ихъ вожаки въ дѣлѣ вѣры—сновидцы и жрецы, а частью ворожецы, которымъ чаще приходится задумываться надъ подобными вопросами, очень неувѣренно представляютъ себѣ, что загробный міръ (*тáмӱк*), для обозначенія коего они употребили татарское названіе *ада*, находится гдѣ-то подъ землею, въ сѣверную или западную сторону—сказать сами черемисы затрудняются. Но судя по тому, что язычники кладутъ покойника въ гробъ преимущественно на правый високъ, а въ могилѣ трупъ протянутъ на югъ ногами, нужно думать, что западъ играетъ здѣсь первенствующую роль, и къ нему обращены потухшіе глаза покойника. Входомъ въ загробный міръ и выходомъ изъ него служитъ для умершаго черемисина его собственная могила: только черезъ нее возможно для него сообщеніе съ здѣшнимъ міромъ, и возможность эта облегчается тѣмъ, что при погребеніи родственники протягиваютъ отъ гроба до поверхности земли шелковую нитку, какъ лѣстницу для покойника.

Загробный міръ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной половинѣ свѣтитъ солнце, хотя и не столь яркое, какъ здѣсь на землѣ, но все-таки поддерживающее своимъ свѣтомъ и тепломъ вялую органическую жизнь загробнаго міра, во всемъ по внѣшности сходную съ настоящей; въ другой половинѣ господствуетъ мракъ, отнимающій возможность заниматься чѣмъ бы то ни было и только поселяющій въ душѣ, обреченной влачить въ этой темнотѣ загробное существованіе, унынie и завистливую злобу противъ живыхъ. Этотъ вѣчный адскій мракъ на время можетъ освѣтить пламень восковыхъ свѣчей, ставимыхъ родственниками умер-

шаго въ дни поминовеній, лучше сказать—въ тѣ дни, когда душамъ умершихъ предлагается угощеніе, т. е. жертва.

Первая половина загробнаго міра называется у всѣхъ черемисъ *во́лгӧдӧ верь*—„свѣтлое мѣсто", вторая—*пичке́мы̆шӗ верь*—„темное мѣсто". Слово *та́мўк* (адъ), какъ я уже сказалъ, есть заимствованное у татаръ понятіе, съ болѣе широкимъ значеніемъ „загробнаго міра". Но въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ своимъ умершимъ они никогда не называютъ загробнаго міра словомъ *та̀мук*, а всегда „темнымъ міромъ" (*пичке́мы̆шӗ тӱня́*).

Пойдемъ далѣе. У самаго входа въ загробный міръ бродятъ острозубыя адскія собаки (*та́мук пи*), охраняющія входъ, отъ которыхъ нужно отбиваться липовой или рябиновой палкой, кишатъ змѣи, отъ которыхъ только и можно оборониться прутьями шиповника. Далѣе слѣдуютъ горы съ крутымъ подъемомъ и обрывистымъ спускомъ, карабкаясь по которымъ, черемисинъ до крови обдираетъ свои ногти, и плохо его дѣло, если съ нимъ не положены въ гробъ остриженные при жизни ногти.

Власть надъ этимъ подземнымъ міромъ держитъ въ своихъ рукахъ *Та́мўк вуй*—„глава ада", адскій начальникъ, у котораго есть еще помощники: *Кіяма̀т тӧра́*—„судья Кіяматъ", и *Кіяма̀т са́вуш*—„помощникъ, товарищъ Кіямата". *Тамук вуй* признается хотя и всѣми черемисами, но большинство уржумскихъ, малмыжскихъ и елабужскихъ черемисъ Кіямата ставятъ выше въ іерархической лѣстницѣ, что прямо противорѣчитъ этимологіи слова *та́мук вуй*. На границѣ Уржумскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ вмѣсто *Кіяма̀т са́вуш* слышится уже *Та́мўк са́буз*, а въ Малмыжскомъ уѣздѣ—*Кіяма̀т ся̀быш* и *Кіяма̀т ча́уш*, но это—все діалектическія различія одного и того же имени. Замѣтимъ здѣсь, что *кіяма̀т* съ арабскаго значитъ „воскресеніе мертвыхъ". Заимствованіе такого слова въ высшей степени любопытно, такъ какъ черемисы, допуская до семи разъ возрожденіе души и всякій разъ на новой землѣ или планетѣ, ни одного слова не говорятъ о воскресеніи мертвыхъ, котораго не признаютъ, потому что загробная жизнь для нихъ есть вѣчное продолженіе настоящей земной. *Кіяма̀т* потому и почитается больше другихъ, что у него есть строго опредѣленная функція: онъ—судья (*тӧра̀* или *тӧра́*) мертвыхъ, почему его и зовутъ *Кіяма̀т тӧра̀*, т. е. „Кіяматъ—судья".

А. Филимоновъ въ „Вятск. епарх. вѣдом.“ (1869, № 21, стр. 433) впервые высказалъ мысль, что *Кіямàт* есть первый покойникъ, положенный на новомъ кладбищѣ; мнѣніе это весьма охотно раздѣляетъ проф. *Смирновъ* („Черемисы“, стр. 151), но для такого мнѣнія нѣтъ достаточныхъ основаній. Этимологія слова (отъ черем. *кіяш*—лежать) могла бы помочь дѣлу, но суффиксъ *мат* чуждъ черемисскому языку. Но въ виду того, что именемъ Кіямата называются замѣстители отца (*Кіямàт-ачà*) и матери (*Кіямàт-абà*) невѣсты, провожающіе послѣднюю въ домъ жениха, нельзя не видѣть въ этомъ имени позабытаго названія для извѣстной степени родства, терминъ для котораго былъ заимствованъ. Противъ мнѣнія о Кіяматѣ, какъ первомъ покойникѣ, говоритъ и то, что онъ—одинъ для всѣхъ черемисъ; иначе было бы столько кіяматовъ, сколько кладбищъ.

Черемисскій Миносъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ далеко не можетъ быть названъ неумытнымъ судьей: онъ скорѣе всего напоминаетъ нашего Шемяку, сквозь пальцы смотритъ на легкія плутни умершихъ, облыжно ссылающихся на свою глухоту и слѣпоту, и не прочь взять съ прибывающей души взятку, при первомъ же устномъ допросѣ, совершаемомъ съ очевиднымъ (благодаря взяткѣ) пристрастіемъ, хотя это не избавляетъ умершаго отъ испытанія, при помощи котораго рѣшается, куда слѣдуетъ помѣстить душу—въ темное или свѣтлое мѣсто. Для этого *Кіямàт* или *Тàмук вуй* (черемисы сами точно не знаютъ) заставляетъ душу пройти по тоненькой жердочкѣ или веревкѣ, рѣже, какъ у татаръ—по острію меча черезъ глубокую пропасть, на днѣ которой помѣщенъ котелъ, наполненный кипящей сѣрой и смолой (*киш-пот*—сѣрный котелъ). Чья совѣсть чиста, тотъ пройдетъ смѣло и вступитъ прямо въ рай, начинающійся за этимъ оврагомъ, а злодѣй и вредный человѣкъ, ошеломленный удушливымъ сѣрнымъ запахомъ, непремѣнно сорвется въ пропасть, хотя бы носъ его былъ заткнутъ шелкомъ, а онъ привязалъ себя къ жердочкѣ шелковою ниткой, заботливо положенной въ гробъ родными [1]). Такимъ образомъ, верховная справедливость востор-

[1]) По представленію черемисъ, покойники прикрѣпляютъ шелковую нитку къ жердочкѣ такимъ образомъ, что она, по устройству своему, напоминаетъ качель; сидя на этой качели (*люнгàлтӧш*), душа, раскачиваясь, можетъ скользить по жердочкѣ надъ пропастью, что несравненно легче, нежели проходить

жествуетъ, и грѣшникъ будетъ кипѣть въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока мученіями не уравновѣситъ своихъ проступковъ, а затѣмъ навсегда помѣщается въ „темномъ мѣстѣ“. Подъ вліяніемъ христіанства, черемисы умѣютъ уже называть спеціальныя мученія (*о́рлык*) для каждаго крупнаго грѣха: такъ, большіе злодѣи кипятъ въ смоляномъ котлѣ; колдуны, вредившіе своими заклинаніями, подвѣшены за языкъ; кто плевалъ людямъ въ лицо, тотъ лижетъ раскаленную сковороду и т. д.

Мы уже знаемъ, что въ „темномъ мѣстѣ“ душа только мучится; въ „свѣтломъ мѣстѣ“ она испытываетъ своеобразное блаженство (*суàп*), продолжая туже жизнь, что и на землѣ. Души предаются здѣсь совершенно земнымъ занятіямъ, работамъ, ремесламъ и даже удовольствіямъ. У нихъ есть тамъ свой скотъ, убыль въ которомъ пополняется приношеніями родныхъ, есть своя осѣдлость, словомъ—полное хозяйство. Ранѣе умершіе черемисы ласково встрѣчаютъ новаго пришельца въ загробный міръ. Здѣсь заводятся новыя знакомства, возникаютъ новыя связи: парни женятся, а дѣвушки выходятъ замужъ. Малолѣтки выростаютъ, дѣлаясь взрослыми. Казалось бы—все идетъ въ загробномъ мірѣ по-земному, только другимъ, болѣе размѣреннымъ и спокойнымъ темпомъ; здѣсь, въ свѣтломъ мѣстѣ, нѣтъ ни ссоръ, ни зависти, ни драки, словомъ—мало разнообразія, сравнительно съ землей. Но душа должна здѣсь остаться навѣки: ей уже не предстоитъ обновленія, или воскресенія къ новой жизни, и вотъ она, наслаждаясь этимъ нѣсколько однообразнымъ „блаженствомъ“, хотя и живетъ въ „полномъ удовольствіи“ (*ма́мырлык*), но частенько испытываетъ приступы сильной тоски по всему земному, особенно въ первое время, когда такъ тяжела кажется душѣ разлука съ родными.

Тоскующія по землѣ души получаютъ отъ Кіямата короткій отпускъ—„отъ вечернихъ до утреннихъ сумерекъ“ (*кас ижäра́дэч эръ ижäра́дэк шумэ̀ш*)—и свободно расхаживаютъ въ это время по землѣ, навѣщая родныхъ, а иногда давая понять послѣднимъ, что не мѣшало бы имъ угостить своихъ умершихъ родственниковъ, да поставить имъ свѣчку. Души безродныя, поколѣніе ко-

---

по этой жердочкѣ (или по канату). Я забылъ во второй главѣ добавить, что при положеніи въ гробъ шелковой нитки, во весь ростъ покойника длиною, черемисы говорятъ: „люнгалто̀шетла̀н ли́же“, т. е. „да будетъ тебѣ для качели“

торыхъ (*ро́до* или *на́сыл*) угасло, также пользуются отпускомъ, но имъ уже некого посѣщать на землѣ, и онѣ безцѣльно странствуютъ по бѣлу свѣту, ища случайнаго поминальнаго угощенія. Съ теченіемъ времени, съ нарожденіемъ все новыхъ поколѣній, постепенно вымирающихъ, всѣмъ старымъ покойникамъ достается все болѣе и болѣе скудное угощеніе, и эти покойники, нѣкогда оставившіе многочисленное потомство, постепенно переходятъ въ разрядъ безродныхъ (*вѐктымо-ку́ктымо* или *утым*).

На время отъ страстной недѣли до Троицы всѣ души пользуются особою льготой прогуливаться на землѣ подъ покровомъ темноты. Мы уже видѣли, что начало этого „ваката мертвыхъ“ совпадаетъ съ праздникомъ въ честь покойниковъ, называемымъ *кон-ке́чѐ*—„днемъ щелока“, или *виръ-ге́чѐ*—„днемъ *крови*“, а конецъ—съ другимъ такимъ-же праздникомъ—*се́мык* („семикомъ“). Въ теченіе этого времени особенную свободу разгуливать по землѣ почему-то получаютъ вообще вредные при жизни люди—колдуны и разные плуты (*коштан*), которые всячески обижаютъ живыхъ: топчутъ посѣянный хлѣбъ, производятъ семейныя ссоры, воруютъ скотъ и пр. Потому-то черемисы въ это время особенно усердно поминаютъ при всякой ѣдѣ не только своихъ родныхъ, но и чужихъ, безродныхъ покойниковъ, откладывая для нихъ по куску блина и отливая по нѣскольку капель пива.

Какъ долго странствуетъ сопровождаемая ангеломъ душа, прежде чѣмъ ей опредѣлено будетъ адскимъ начальникомъ извѣстное мѣстопребываніе, достовѣрно знаютъ немногіе черемисы. Дни поминовенія—третій, седьмой и сороковой—отчасти рѣшаютъ вопросъ, намѣчая три важнѣйшихъ момента въ загробныхъ странствованіяхъ черемисской души. До погребенія душа ютится около своего трупа, въ родной семьѣ. Душа пускается въ путь на третій день, лишь только земля прикроетъ гробовую крышку. Въ седьмой день душа черемисина кончаетъ обходъ шести планетъ, на которыхъ она когда-то жила до переселенія на землю. Съ восьмого дня она вступаетъ въ подземный міръ, и съ первыхъ же шаговъ обречена на тяжкія испытанія, въ видѣ непріятныхъ встрѣчъ съ адскими собаками и змѣями; только послѣ изнурительнаго перехода чрезъ крутыя горы, возвышающіяся тотчасъ же за входомъ въ подземный міръ, душа черемисина вступаетъ туда, гдѣ производятся судъ надъ мертвыми и испытаніе ихъ

грѣховности. До суда всѣ души—грѣшныя и праведныя—одинаково подвергаются вышеперечисленнымъ непріятностямъ, но праведники навсегда будутъ избавлены отъ мученій и огорченій, а грѣшники сначала вынесутъ мученія, равносильныя ихъ грѣховности, потомъ навѣки помѣщены будутъ въ „темномъ мѣстѣ“.

Выше было сказано, что черемисская душа получаетъ иногда отпускъ на землю къ роднымъ. Если, по смерти черемисина, съ нимъ положили въ гробъ все необходимое и аккуратно предлагаютъ душѣ угощеніе въ указанные дни поминовеній, то тѣмъ лучше для живыхъ: въ благодарность за это, покойникъ будетъ покровительствовать своей роднѣ, выручать изъ бѣды и охранять имущество и семейное согласіе. Въ противномъ случаѣ покойникъ будетъ ходить домой по ночамъ и начнетъ мстить за невниманіе къ себѣ. Даже и въ томъ случаѣ, когда родственники безупречно выполняютъ свои обязанности, покойникъ, по одному непонятному капризу, внезапно можетъ потребовать чего-нибудь особеннаго. Это возможно, если покойнику почему-либо плохо живется на томъ свѣтѣ, особенно въ темной его части, т.-е. въ аду. Въ этомъ случаѣ онъ грозно является кому-нибудь изъ семейныхъ во снѣ или просто производитъ въ избѣ шумъ, или мучитъ скотину, и, наконецъ, производитъ семейный раздоръ. Избавиться отъ всего этого можно только исполненіемъ требованій покойника, если они ясно выражены послѣднимъ въ сновидѣніи; въ противномъ случаѣ необходимо прибѣгнуть къ помощи ворожеца (*мужѣд*). Въ рѣдкихъ случаяхъ покойники, точно сговорившись между собою, начинаютъ преслѣдовать цѣлый черемисскій районъ, причиняя большой матеріальный ущербъ. Тогда всѣмъ черемисамъ становится понятно, что это—дѣло рукъ отдаленныхъ предковъ, степени родства съ которыми уже невозможно учесть: они попали уже въ группу *вѐктымӧ-ку́ктымӧ* или *утым* (безродныхъ), мало или совсѣмъ не получаютъ угощеній и чувствуютъ себя крѣпко обиженными. Въ такихъ случаяхъ назначается въ честь этихъ обиженныхъ предковъ экстренное угощеніе, или поминки, напоминающія настоящее жертвоприношеніе. Оно бываетъ крайне рѣдко, раза два—три въ столѣтіе, и я еще ни разу не видалъ его.

Существуетъ извѣстное соотношеніе между характеромъ черемисина при жизни и его требовательностью по смерти: кроткій

черемисинъ довольствуется по смерти обычными поминками, а неуживчивый, коштанъ, тѣмъ болѣе колдунъ (*лóктызэ*) требуетъ учащенныхъ приношеній. Подобный колдунъ или какой-нибудь конокрадъ, отправившійся на тотъ свѣтъ подъ смертельными ударами мстительныхъ единоплеменниковъ, или, наконецъ, просто—бѣглый, подвергшійся такой же участи, по смерти могутъ долго мучить черемисъ и даже современемъ попасть въ разрядъ мелкихъ злыхъ духовъ—кереметей, всячески вредящихъ черемисину. Число подобныхъ духовъ постоянно увеличивается, потому что къ нимъ часто присоединяются умершіе вообще насильственною смертью. Нигдѣ нѣтъ такого обилія этихъ духовъ, какъ въ Уржумскомъ и Яранскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, гдѣ расположены древнѣйшія и главнѣйшія черемисскія святыни: жилище кереметя Чумбулата и важнѣйшая роща въ честь добрыхъ боговъ, посѣщаемая всѣми черемисами.

Нашъ очеркъ загробныхъ вѣрованій черемисъ былъ бы неполонъ, если бы ко всему сказанному мы не прибавили еще, что толковые черемисы, разбросанные въ разныхъ окраинахъ, въ общихъ чертахъ говорятъ объ этомъ предметѣ довольно согласно, ссылаясь на людей, у которыхъ Азыренъ отнялъ было жизнь, но потомъ, по волѣ Юмы, снова вернулъ ее. Такіе летаргики и сообщили, будто бы, черемисамъ подробности будущей жизни; но, какъ видитъ читатель, можно и не бывать на томъ свѣтѣ, чтобы составить о немъ подобное понятіе, въ основу котораго легли древнія языческія представленія о загробномъ мірѣ, съ большими или меньшими варіаціями встрѣчающіяся у всѣхъ народовъ. Справедливость требуетъ однако сказать, что въ представленіи черемисъ о загробномъ мірѣ много своеобразныхъ чертъ, только черемисскому аду и свойственныхъ. Такъ и должно быть у народа, у котораго до настоящаго времени столь сильно сохранился культъ умершихъ, какъ рѣдко можно встрѣтить у какого-либо другого племени. Сѣдою стариной отдаленныхъ вѣковъ вѣетъ отъ черемисскихъ погребальныхъ обрядовъ и культа умершихъ...

Перехожу теперь спеціально къ почитанію покойниковъ. Нѣтъ надобности говорить о томъ, откуда ведетъ этомъ культъ свое начало: онъ столь же древенъ, какъ само человѣчество. Изъ всей совокупности деталей и характера описанныхъ мною въ пре-

дыдущихъ главахъ черемисскихъ поминокъ, а сейчасъ—загробныхъ вѣрованій, уже можно заключить, что черемисы просятъ не столько адскаго судью Кіямата или главу ада Тамук-вуя о смягченіи участи покойниковъ, сколько обращаются къ самимъ покойникамъ, прося ихъ довольствоваться угощеніемъ и рѣже навѣщать свою семью на землѣ, потому что эти посѣщенія приносятъ больше одно несчастье, одинъ убытокъ. Такой взглядъ на покойниковъ весьма понятенъ, такъ какъ черемисы съ момента смерти считаютъ трупъ оскверненнымъ прикосновеніемъ Азырена, равно и самую душу. Прикосновеніе къ трупу требуетъ омовенія и перемѣны одежды, а душа, посѣщая семью, оскверняетъ все, до чего ни дотронется. Поэтому-то всѣ кушанья, предлагаемыя душамъ умершихъ, уже оскверняются ихъ прикосновеніемъ и выбрасываются собакамъ; посуду, конечно, было бы жаль кидать всякій разъ, почему или употребляютъ самую дрянную, или же рѣшаются на своеобразный компромиссъ, дѣлая эту посуду снова годною къ употребленію, при помощи продолжительнаго провѣтриванія и усерднаго мытья. Противорѣчіемъ такому взгляду на оскверняющее значеніе трупа и самой души является тотъ странный фактъ, что въ Уржумскомъ уѣздѣ исчезаетъ брезгливое отношеніе къ остаткамъ отъ поминальной трапезы: черемисы не только приписываютъ цѣлебную силу пиву, которое предложено было покойникамъ, но даже съѣдаютъ всѣ лучшіе куски изъ чаши, назначенной душамъ предковъ. Это явленіе новаго времени звучитъ какимъ-то диссонансомъ и безспорно обязано своимъ происхожденіемъ русскому вліянію послѣдняго времени, потому что еще въ 60-хъ годахъ ничего подобнаго не замѣчалось.

Поминки, вѣрнѣе угощенія покойниковъ, въ нарочно установленные для нихъ праздники, явились неизбѣжнымъ послѣдствіемъ воззрѣнія черемисъ на своихъ покойниковъ, какъ на близкихъ себѣ по кровному родству покровителей и карателей, которыхъ нужно умилостивлять; кромѣ того, уже простое почтеніе къ родителямъ заставляетъ быть внимательнымъ къ нимъ послѣ смерти. Разъ душа черемисина живетъ на томъ свѣтѣ въ совершенно земныхъ условіяхъ, сохраняетъ всѣ потребности человѣческія, она, по логикѣ черемисъ, естественно нуждается въ пищѣ и питьѣ. Но почему душа особенно цѣнитъ земную

пищу, черемисы не даютъ отвѣта; равнымъ образомъ ничего не знаютъ они о томъ, какъ же это душа вкушаетъ пищу, когда при этомъ всякій черемисинъ видитъ, что пищи этой ничуть не убавляется въ корытѣ, предложенномъ душамъ? Остается заключить, что черемисскія души могутъ насыщаться лишь съ помощью обонянія, т. е. вкушать только ароматъ, или субстанцію пищи, а не самую пищу. Такъ можно думать еще и потому, что лѣтъ 40 назадъ, въ отвѣтъ на насмѣшки русскихъ по поводу участія собакъ въ поминкахъ, черемисы оправдывались тѣмъ, что въ бросаемыхъ собакамъ остаткахъ кушаній *нѣтъ ни запаха, ни вкуса*, которые достались покойникамъ; поэтому, говорили черемисы, оставалось только выбрасывать эти остатки собакамъ

Какъ бы то ни было, души умершихъ нуждаются въ пищѣ постоянно, но имъ особенно пріятны земныя угощенія родственниковъ, устраиваемыя въ опредѣленные сроки. Умершему предъ самымъ погребеніемъ кладется въ гробъ запасъ пищи, а душѣ его предлагается угощеніе тотчасъ же послѣ похоронъ, затѣмъ въ 7-й и 40-й день, а всѣмъ ранѣе умершимъ—непремѣнно дважды въ годъ: на страстной недѣлѣ и въ семикъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Царевококшайскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ, справляются еще общія осеннія поминки, по окончаніи полевыхъ работъ. Дни эти суть настоящіе праздники въ честь умершихъ (*ко́лышо̆ пайра̀м*, или *то́што̆ марѝ пайра̀м*, т. е. „праздникъ мертвыхъ“, или „праздникъ древнихъ черемисъ“.

Я разсмотрѣлъ эти праздники въ послѣдовательномъ порядкѣ, описалъ ихъ съ тою полнотою, какую позволили мнѣ сдѣлать мои многолѣтнія наблюденія и знакомство съ этнографическою литературой. Описанію праздниковъ я предпослалъ обзоръ мѣропріятій черемисъ противъ болѣзней и далъ очеркъ ихъ погребальныхъ обрядовъ. Хотя наблюденія мои даютъ много новаго сравнительно съ тѣмъ, что имѣется въ литературѣ, но найдутся, безъ сомнѣнія, пропуски нѣкоторыхъ деталей, коихъ мнѣ не пришлось наблюдать; не смотря на это, я не хотѣлъ оставлять подъ спудомъ собранный мною богатый матеріалъ.

Сводя свои наблюденія въ одно цѣлое, я не могъ не обратить вниманія на сходство нѣкоторыхъ деталей въ погребальныхъ обрядахъ, культѣ умершихъ и загробныхъ вѣрованіяхъ

черемисъ съ подобными же обрядами и вѣрованіями у народовъ финской, тюркской и арійской вѣтви. Разсмотрѣнію этихъ аналогій будетъ посвящена слѣдующая глава; въ ней же отведено будетъ мѣсто для посильнаго рѣшенія вопроса о томъ: 1) въ какомъ отношеніи находится культъ умершихъ къ религіознымъ вѣрованіямъ черемисъ вообще? 2) верховные боги черемисъ суть ли родоначальники, или—выдающіеся представители этого племени, возведенные въ божеское достоинство, или же они представляютъ собою обоготвореніе стихійныхъ началъ? Иначе говоря—я попытаюсь дать посильную критику анимистической и эвгемерической теорій.

Библиотека ИК...
Академ...
...ка
Общ... ...ых Наук
Академии Наук СССР